

Время— Великий Хан, и только ему единственному повинуются неторопливые седые столетия. Это по его властному знаку вдруг угасают огни жарко пылавших костров и остывающие красные угли покрываются сизым пеплом. Это по его непрекаемому приказу сворачиваются юрты жителей улусов¹ и кочевий, и по его повелению уходят в неведомое будущее гружённые караваны— а им навстречу движутся в прошлое караваны лет. И всё дальше и дальше расходятся караваны: одни— мерно поскрипывая осями тележных колёс, грустно позванивая колокольчиками на сбруе утомлённых верблюдов и лошадей, а неторопливая и мерная поступь седых столетий всё слабее доносится из прошлого. Вот уже невозможно разглядеть их вдаль— даже прикрывая глаза ладонью от слепящего полуденного солнца, даже накрепко зажмурив их и закрыв веками от света сегодняшнего дня...

Караваны лет скрылись за горизонтом, и мы не властны вскочить в седло, ожечь камчой быстрого коня, догнать и окликнуть тех, кого уже никогда не увидим больше на этом свете. Но не они ли оставляют для нас на зыбкой границе горячей степи и прохладного голубого неба удивительные миражи: колеблющиеся и манящие, тревожные и грустные— но неизменно прекрасные? Да, право, миражи ли это? Те же ярко пылающие костры, те же волны мчащихся табунов, те же многолюдные улусы и одинокие кочевья. Значит, эти люди не канули в полную безвестность, они всё ещё идут куда-то своим, не ведомым нам путём...

Тэмучину нравились утренние прогулки, когда солнце только всходило и земля была мокрой от росы; когда в прохладном ещё воздухе стоял навязчивый смешанный запах мокрой травы и полыни, сухого конского помёта и ещё чего-то неуловимого, запомнившегося с детства. Он любил именно утро, потому что с годами всё хуже переносил полуденный зной и прятался от него либо в шатре, либо под густой кроной деревьев возле воды. Он, сколько себя помнил, всегда недолюбливал жару...

Эти прогулки он предпочитал совершать не в одиночку, а с кем-нибудь из интересных собеседников. В отличие от шатра, где все воспринимали его как каана и ожидали приказов, здесь можно было размышлять не о самом важном; выслушивать мнение собеседника и даже его возражения; можно было неспешно обдумывать планы на далёкое будущее и вспоминать ещё более далёкое прошлое. В последнее время он предпочитал беседовать с киданьским книжником Елюй-Чуцаем, поскольку тот был умён в разговоре и прозорлив в решениях. Именно за долгий ум он и прозвал своего главного советника Длиннобородым, а вовсе не за его тщедушную бородёнку. Если бы дело было только в её размере, то он, Тэмучин, несомненно, больше заслуживает подобное прозвище! А вот превосходство острого ума Елюй-Чуца он признавал, хотя открыто в этом никогда бы не признался. Ведь у каждого, как он считал, своё предназначение и, в зависимости от этого, свои главные качества, даденные Вечным Тэнгри и Единственной Матерью Охин Тэнгри...

Вот и сейчас, неторопливо прогуливаясь с почтительно молчавшим Длиннобородым, он задумчиво остановился возле небольшого песчаного надува. Вчерашний ветер разровнял мельчайший песок, и на нём, словно на чистом листе хитайской бумаги, не было ни следов сусликов, ни сухих травинок. Размышляя, он вытащил саблю из ножен и начертал концом её на ровной поверхности витиеватый столбец уйгурских букв, потом обратился к спутнику:

— Вот я написал на песке своё имя, и оно, несомненно, у любого читающего вызовет трепет. Но сама эта надпись недолговечна: подует ветер или пройдёт дождь по воле Неба— и поверхность опять станет первозданно чистой. Поэтому, пока я жив, мне пришлось бы постоянно обновлять её... Но даже если я прикажу высечь своё имя на твёрдом камне— неумолимое время всё равно разрушит, в конце концов, и камень. Ещё хуже дело обстоит с памятью людскою: люди не будут помнить обо мне долго, потому что после моей смерти новый каан захочет увековечить уже своё имя, стерев в памяти своих подданных имя предшественника, то есть меня. Значит, даже от воли всемогущих каанов не

1. Поселение, коллективное стойбище у тюрко-монгольских народов Приуралья и Сибири.

зависит, будет ли память о них жить вечно? Если только, конечно, это не угодно самому Небу...

— Именно потому, каан, предусматрительные правители строили прекрасные города, которые должны были пережить века, и называли их своими именами,— изрёк книжник, немного подумав.— А египетские фараоны в качестве своих гробниц возводили потрясающие воображение пирамиды. И фараоны вовсе не думали о каком-то благе для подданных, а заботились лишь о том, чтобы оставить память на будущие тысячелетия. Но при этом люди до сих пор восхищаются грандиозными сооружениями и передают имена фараонов из поколения в поколение. А это означает, что как многолюдные города, так и мёртвые пирамиды одинаково способны хранить имена своих создателей много веков. Людская же память о благих деяниях и прижизненной славе правителей, я согласен, недолговечна. Словно твоя надпись на сыпучем песке...

— Ты, как всегда, мудр в своих сравнениях, Длиннобородый! По-твоему, всё это — и города, и пирамиды — возводилось лишь для бессмертия имени? Но ведь это путь отчаянья. А вот возможно ли обрести бессмертие тела и души? Наверное, каждый из этих правителей пытался заполнить некий чудесный эликсир и готов был отдать за него половину, если не все свои богатства?

— Да, прожить во власти и в почёте долгую-преддлгую жизнь, пусть даже временно и без богатств, найдётся немало желающих! — Елюй-Чуцай невольно усмехнулся, но тут же виновато потупил глаза. — Может быть, в бескрайнем мире и проживает некто, кто знает этот величайший секрет; вот только, выдав его, он рискует тут же быть лишённым жизни...

— Почему ты так считаешь, Длиннобородый?

— Секрет бессмертия не может быть достоянием многих, ведь то, что знают двое, — уже не секрет. Может быть, его и можно купить за несметные сокровища, но вот как узнать имя тайного обладателя?..

— Мой подданный, китаец Чжун-Лу, которого я отправил в Шандун с приглашением для мудреца Чан-Чуня, утверждает, что даос живёт уже триста лет! При этом он простой монах, а это означает, что ему не потребовались для овладения рецептом бессмертия несметные богатства.

— Люди часто придумывают сказки, в том числе и о бессмертных, а потом сами начинают в них верить, — возразил книжник.

— А что ты, Длиннобородый, знаешь о мудреце Чан-Чуне?

— Имя его известно далеко за границами не только Шандуна, но и всех окружающих провинций. Настоящее его имя Цю-Чуцзы, даосское же имя Чан-Чунь означает «вечная весна». Он — настоятель монастыря Хаотяньгуань², основатель ордена

«Драконьи ворота» и самый известный из семи учеников основателя школы Цюаньчжэнь даоса Ван-Чунъяна. Их называют «семь бессмертных», так что не отсюда ли пошли разговоры о его жизненном бессмертии?..

— Ты как будто совсем не веришь в людское бессмертие, Длиннобородый?

— Я предпочитаю не обольщаться, каан, чтобы лишний раз не испытать разочарование. О Чан-Чуне же говорят, что он великий учёный среди всех учёных и святой среди всех даосов.

— Я ценю твой ум и прямоту, Длиннобородый! Мысли о даосе давно не дают мне покоя. Я с нетерпением жду встречи с ним и хочу, чтобы ты непременно присутствовал при наших беседах...

Он повернул назад, к шатру, и мысли его тут же потекли в ином направлении — о предстоящей встрече. Елюй-Чуцай, посчитавший, что их разговор окончен, молча последовал за ним.

Нет, Тэмучин ещё не ощущал себя старым: по-прежнему он вставал рано, не выносил ничего неделанья и праздного возлежания на подушках — даже когда старые раны и болезни настойчиво стали подавать знаки. Лучшим отдыхом оставалась охота, участие в групповых облавах на зверя. Когда загонщики громкими криками сгоняли дичь, сердце его начинало учащённо биться, слух и зрение обострялись, как в молодости, а все боли и недуги отступали, покорно освобождая внутри место для азарта. И когда метко пущенная стрела поражала бегущего зверя, то он чувствовал такой же прилив сил, как много лет назад, и мог долго преследовать подранка, чтобы в конце концов торжествующе поразить его копьём или стрелой. Но и после завершения погони сердце ещё долго продолжало стучать в некоем шаманском ритме, гоня по телу помолодевшую кровь. Охотничьи облавы словно бы возвращали его в прошлое, когда болезни изношенного тела ещё не вступали в противоречие с нерастраченной молодостью души...

Он покосился на вышагивающего позади Длиннобородого: не читает ли тот его тайные мысли? Но книжник смотрел под ноги с задумчивым выражением лица, должно быть, размышляя о предстоящих государственных делах.

Именно охота оставалась тем немногим, что бодрило его подобно целительному бальзаму. Правда, с некоторых пор не меньшее удовольствие доставляли и такие вот неспешные беседы с умными собеседниками. Напряжение ума при этом, старательные поиски правильного ответа, изящные и остроумные выпады в сторону собеседника — всё это волновало разум. Длиннобородый, скорее всего, даже не догадывается, что его приглашают на утренние прогулки не столько

2. Храм Чан-Чуня на полуострове Шандун, в 500 километрах от города Цзы (Пекина).

ради его мудрых советов, но и как хитроумного, многоопытного игрока. Ведь беседы их протекают подобно партиям в индийских шахматах, только игровой доскою служит огромное пространство между четырьмя морями, а движимыми фигурами — ничего не подозревающие соратники и коварные противники. Чем более непредсказуемой складывалась беседа, тем большее удовольствие она ему доставляла.

Прискакавший на рассвете воин-вершник от Ли-Чжун-Лу, посланного почти полтора года тому назад в монастырь Хаотяньгуань, привёз долгожданную весть: даос Чан-Чунь с пятью учениками и сопровождающими их воинами находится всего в нескольких часах пути от ставки. А это означает, что их встреча произойдёт уже сегодня. И если каждая охота лишь на время отодвигала приближающуюся старость, то предстоящая беседа с бессмертным Чан-Чунем, вероятно, вплотную приблизит его к раскрытию тайны, хитроумно зашифрованной самим Вечным Небом... Да, сегодня он наконец-то встретится не просто с равным, а наверняка с превосходящим его по уму собеседником. Великий учёный, непревзойдённый мудрец, признанный поэт... Сколько ещё титулов можно добавить к этому имени: учитель, бессмертный, хранитель величайшей тайны!

Поэтому он и отложил ранее назначенную важную поездку, что очень давно и со всё возрастающим нетерпением ожидал эту встречу. Когда отправлял приглашение, то рассчитывал, что свидание случится значительно раньше: обычно приглашённые бросали все свои дела и мчались к нему, преодолевая непогоду и опасности. Они боялись неудовольствия, а ещё больше гнева — и, кажется, даже его далёких неведомых мыслей и его далёкой тени? Этот же мудрец-даос превратил всё путешествие в развлечение, в долгую игру, которая ведётся отнюдь не по правилам всевластного каана. Чан-Чунь, конечно же, исходит из того, что это он нужен Чингисхану Тэмучину, и поэтому не боится немилости, понимая, что каану нужен даже не он сам, не его жизнь, а его тайные знания. А ещё он, наверное, уже отвык страшиться смерти, поскольку живёт целых триста лет? Во всяком случае, так предполагают многие — и, скорее всего, даже сам сомневающийся Елюй-Чуцай...

У входа в шатёр прозвучало короткое воинское приветствие охранников, и откидной полог затрепетал под чьей-то уверенной рукой. Вошёл самый доверенный из его воинов — тысячник «красных волков» Егудэй.

— Каан, прибыл долгожданный монах-даос Чан-Чунь!

— Пригласи его немедленно, Егудэй! Наконец-то я увижу того, встречи с которым ожидал полтора года.

— Будет исполнено, каан! — тысячник почтительно склонил голову и приложил правую руку к груди. — А ещё передай Елюй-Чуцаю, что я жду его! И распорядись, чтобы поставили два шатра — для даоса и его учеников — на восток от моего. Чтобы мудрец сразу понял, как я ценю его и его учение. — Всё будет сделано, каан!

Когда тысячник вышел, он, морщась от боли в колене, поднялся с подушек и сел на седло посреди шатра — он всегда встречал званных гостей именно так, по-простому. Затем приказал писцу-хитайцу Фао-Шену, всё это время молчаливо и почтительно впитывающему слова каана:

— Фао-Шен, ты должен записывать на уйгурском языке всё сказанное этим великим мудрецом, чтобы потом ничего не было забыто и чтобы мои сыновья смогли прочесть эти записи. А переводчиком вместо тебя сегодня будет Елюй-Чуцай. — Насколько подробно я должен записывать, Великий Чингисхан? — тщедушный писец едва ли не до самого ковра склонился в подобострастном поклоне.

— Записывай все высказанные мудрецом мысли, и по возможности как можно полнее. Ничто важное из нашей беседы не должно ускользнуть, даже то, что лично тебе хорошо известно! Ведь, придумывая новое, люди всегда опираются на старые знания, и кто знает, вдруг именно они потребуются мне в нужный момент?

Писец сложил руки перед грудью, несколько раз часто и низко поклонился и стал переносить разбросанные подушки в дальний конец шатра. После этого несколько подушек сложил стопкой перед кааном, а сам расположился за низким складным столиком позади сидящего; суетливо достал из стоящей рядом сумки свиток бумаги, перо и чернильницу. Открыв пробку чернильницы и окунув туда перо, стал тщательно чистить его о свою чёрную косичку.

Прошло совсем немного времени, и за стеной шатра прозвучал предостерегающий оклик стражников. Полог снова откинул Егудэй, и мимо него медленно прошествовал старец в дорожном одеянии. Неотъемлемый атрибут даосов, дорожный посох, монах, должно быть, оставил снаружи. Сделав несколько неторопливых шагов и не кланяясь, Чан-Чунь сложил ладони перед грудью и чуть опустил голову, устремив взгляд вниз, под ноги каану. Соблюдая субординацию, монах не решился первым начинать разговор, а тем временем вошедший следом Елюй-Чуцай молча занял место по левую руку от каана.

Молчание затянулось. Он помнил слова Елюй-Чуцая, что в Китае даосы такого ранга освобождены от обязанности преклонять колени перед правителем, поэтому, сидя на седле и не торопясь подниматься, снизу вверх внимательно разглядывал знаменитого мудреца. Гладкое лицо, кожа

которого практически не была тронута загаром, аккуратно подстриженная белая борода, длинные седые волосы собраны сзади в пучок и заколоты на макушке простой деревянной спицей; подчёркнуто небогатый длинный синий халат с широкими рукавами и потёртые дорожные сапоги на ногах... Да, всем своим внешним видом мудрец показывал, что богатство его не волнует, но он привык к почтительному отношению окружающих.

— Приветствую тебя, великий мудрец и даос! — как можно доброжелательнее произнёс он, прерывая затянувшуюся паузу. — Хорошо ли доехал до моей ставки, достаточно ли учтиво относились к тебе те, кому я поручил сопровождать?

Елой-Чуцай повторил всё сказанное по-китайски.

— Благодарю тебя, Великий Чингисхан, за заботу. Скромный путешественник и его ученики не знали отказа ни в чём, хотя я не раз ловил себя на мысли, что не заслуживаю стольких почестей.

Мудрец поднял, наконец, свои чёрные пронизательные глаза на каана. Несмотря на почтенный возраст монаха, в них светился не только ум, но и какой-то непонятный молодой задор. Определённо, в глазах даоса жила загадка, а он не любил загадок и за долгие годы правления научился вводить любого собеседника в состояние растерянности. Следовало всего лишь пристально смотреть в глаза и молчать — и через несколько мгновений самый мудрый, самый уверенный начинал сбиваться и путаться, словно плохо выучивший урок послушник. А при затянувшемся молчании все уже не просто терялись, а покрывались липким потом страха и начинали говорить совсем не то, что заготовили. Именно тогда с их губ срывалось тайное, что перед беседой было запрятано глубоко-глубоко, в самые потаённые уголки души. Даос, однако, достойно выдержал паузу и даже не отвёл глаз в сторону.

— Мои подданные хитайцы утверждают, что ты величайший учёный среди всех учёных и самый святой среди даосов, — прервав испытание, проговорил он. — А ещё утверждают, что ты живёшь уже триста лет.

— О тебе, Великий, тоже сложено немало легенд... — даос опять сложил ладони и учтиво склонил голову. — Люди не могут жить без сказок и небывиц, в том числе и о бессмертии. Но я скажу так: тысячи огней могут быть зажжены от одной свечи, и это не укоротит её жизненный цикл...

Беседа, несомненно, устремлялась в нужное русло, и он жестом предложил Чан-Чуню сесть на подушки, что тот и сделал с явным удовольствием. — Благодарю тебя, Великий!

— Знаю, что другие дворы приглашали тебя, мудрец, но ты отказался — а теперь прибыл за много тысяч ли сюда, к границам Индии. Мне это весьма приятно!

— Что горный дикарь пришёл сюда по повелению Великого, то воля Неба, — не то польстил, не то, наоборот, возразил монах.

— Тем не менее я признателен, что ты ради меня проехал много десятков тысяч ли из Цзы в Орду, а затем через Сибур³, Алтай и Тянь-Шань решился последовать за мной в Самарканд⁴, а теперь и в ставку. Ты ведь мог вернуться в свой монастырь, не застав меня в Орде?..

— Выпущенная стрела назад не возвращается! Тем более что само Небо натягивало тетиву. И, кроме того, великая цель вела меня! Вначале нас было четверо, изучавших Дао под руководством учителя Чун-Яна; трое уже вознеслись; осталась в мире только горный дикарь. И, мечтая водрузить учение Дао-дэ за пределами Китая, я не побоялся ни ветра, ни пыли, шествуя к чужим народам. — Я не могу называть тебя дикарём, мудрейший Чан-Чунь. Скажи, как ещё можно величать тебя? — Иные, из уважения, называют меня наставником или святым мужем, другие почему-то называют бессмертным.

— Пусть с этого дня приближённые мои называют мудрейшего Чан-Чуня именем Бессмертный!

Он кивком головы дал знак писцу, чтобы тот обязательно записал эти слова, и продолжил: — Хорошо ли Бессмертный провёл время в этом путешествии, которое заняло полтора долгих года, довольно ли всегда было в пути еды и питья ему и его спутникам?.. Вполне ли он сам нынче здоров?

— На доставленной твоим посланником золотой тигроголовой дощечке было начертано «Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал». Твоё повеление, Великий, творило истинные чудеса, и я не знал отказа ни в чём. Правители земель, которые я пересёк, оказывали мне такие почести, которых я не заслуживаю, надёжная охрана всегда следовала со мной.

Своими благодарностями монах окончательно расположил к себе, и он даже поймал себя на том, что по лицу пробежала довольная улыбка.

— Да, желая скорее видеть тебя, я разослал повеления правителям тех мест, через которые ты следовал, дабы они, когда Бессмертный будет проезжать, не замедляли его путешествие.

— Всё так и было, Великий! Четвёртой луны первого числа прибыли мы в ставку брата твоего,

3. Сибирь.

4. Город основан в 7 веке до нашей эры, но наивысшего расцвета достиг в 14 веке, когда стал столицей империи Тамерлана, который не был Чингизидом, во всяком случае, прямым потомком Чингисхана по мужской линии, ввиду чего он носил титул эмира и правил от имени марионеточных Чингизидов, даже имена которых плохо известны.

Огinya⁵, и он спрашивал о способах продления жизни. Когда же узнал Огinya, что перед посвящением долго нужно поститься, тут же признался, что это ты прислал нарочного за мной за десять тысяч ли, желая слышать мои наставления немедленно. Ещё сказал твой брат: «Как же осмелюсь я прежде самого каана слушать тебя?»

— Действительно, я жажду твоих наставлений, Бессмертный! За семь лет я свершил великое дело и во многих странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что получал от Вечного Неба помощь и благодаря ему достиг престола. Однако звание каана велико, обязанности его слишком важны — и я боюсь, что в правлении моём чего-нибудь недостаёт.

— Что же могу посоветовать я Великому Чингисхану, покорившему не только девять варварских народов, но и просвещённый Китай?

— Не хочу обидеть тебя, Бессмертный, но это само Вечное Небо отвергло Хитай за его чрезмерные гордость и роскошь! Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей: люблю простоту и чистоту нравов, отвергаю роскошь и следую умеренности. У меня одно платье, одна пища, я в тех же одеждах и то же ем, что конские пастухи; я смотрю на народ как на детей, забочусь о талантливых как о братьях... Я хан над ханами, но для многих я просто Тэмучин, и лишь для врагов я грозный Чингисхан!

— Да-да, я помню твоё послание к горному дикарю, Великий! — даос в знак признательности приложил ладонь к груди. — Потому что оно близко моему духу и напоминает прекрасное стихотворение.

Монах достал из широкого рукава халата свёрнутое, перевязанное шёлковой лентой письмо и, расправив, стал цитировать:

— «...В сих обстоятельствах я наведалься, что ты, учитель, сроднился с истиною и шествуешь по правилам; многоучёный и опытный, ты глубоко изведаль законы; твоя святость прославилась, и доблести проявились; ты хранишь строгие обычаи древних мудрецов и обладаешь прекрасными талантами высших людей...»

Он хорошо помнил это письмо, написанное при помощи Елюй-Чуцая и потом ещё правленное писцом-китайцем.

— «...Не страшась тысяч ли, прошу тебя подвинуть святые стопы твои, — продолжил он по памяти. — Не думай о дали песчаных степей; или пожалей о народе, по современному состоянию дел, или из милости ко мне, сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе...» — он,

.....

5. Младший брат Чингисхана Темугэ, или Отчигин, которому каан, отправляясь в поход на запад, поручил управление делами, в это время кочевал в своём уделе на реке Керулен, близ впадения её в озеро Буюр.

как и монах, почтительно склонил голову. — Как видишь, я даже помню это послание наизусть!

— Так что же ты желаешь услышать от горного дикаря, Великий?

— Бессмертный, ты пришёл издалека, ты живёшь уже триста лет. Какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить им меня?

— Подобные мысли не должны терзать повелителя значительной части мира, раскинувшейся между четырьмя морями. Великий Чингисхан достиг таких вершин, какие вряд ли ещё кому будут по силам...

Даос замолчал, собираясь, видимо, с мыслями, — и тогда он, неожиданно даже для себя самого, произнёс вслух потаённую, уже несколько лет не дающую ему покоя мысль:

— Только приблизившись к самому краю жизни, понимаю, что она до обидного коротка. Ведь жизнь невозможно сохранить лишь тем, что её ценишь...

— Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия, — нашёл, наконец, нужные слова мудрец. — На смерть и жизнь нужно смотреть как на холод и тепло, и для вечной жизни не нужно питаться эфиром, искать таинственные заклинания. Не убивай! — вот путь к вечной жизни. Единое слово: «Не убивай!» — показывает, как велика заслуга души в деле спасения.

— Я оценил твоё бесстрашие, Бессмертный, ибо ты знаешь, что такой ответ может не понравиться мне, — произнёс он с разочарованием. — А то мои приближённые боятся говорить правду, поэтому мне всё чаще приходится прибегать к услугам шамана и толкователей. Как моих снов, так и поступков. Ты же смелый человек, ответь тогда: как тебе самому удалось прожить три века?

— Тело, на время составленное из четырёх стихий, есть вещь гнилая, несобстоящая; а вот дух — истинное существо — свободен и неудержим. Смерть приходит — настаёт рождение; по рождению — опять смерть. В круговороте перерождений когда кончатся превращения? Если не достигнуть страны немышления и упокоения, то невозможно очиститься и вознестись из круговорота...

Он вдруг потерял связующую нить их разговора и на миг усомнился в ясности мышления монаха. Даже засомневался: либо даос сейчас говорит о непонятном, либо Длиннобородый недостаточно хорошо переводит?..

— Впервые за время нашей беседы я не понял твоих слов, Бессмертный, — прервал он монаха.

— Я всего лишь прочёл своё стихотворение, а в стихах всегда больше философии, нежели смысла, — произнёс монах, но слова его не выглядели оправданием. — Чтобы осознать глубину этих мыслей, нужно постигнуть учение Дао. Достигший Дао издаёт грозный свет, который проникает повсюду; гром и молния не могут с ним сравниться.

— Я так понял, Бессмертный, что либо ты не хочешь ответить мне, либо у тебя самого нет ответа на вопрос о человеческом бессмертии?

— Люди, утверждающие, что я прожил триста лет, заблуждаются,— даос широко развёл руки, словно бы сокрушаясь о несбыточном.— Столько может жить душа, но не тело,— монах вдруг усмехнулся, и по лицу его пробежала тень неприкрытой грусти.— И это путешествие к тебе, Великий, я предпринял, когда мне исполнилось всего лишь семьдесят два года. Не только твоё приглашение влекло меня, но и мечта принести учение Дао на просторы всей твоей Империи. Теперь отвечу на твой вопрос, Великий: ты можешь продлить свою жизнь, но для этого нужно посвятить её остаток созерцанию и медитации.

— Созерцанию чего?

— Отрешась от внешнего мира, Великий, созерцай мир внутренний...

— Это не подходит мне, Бессмертный, поскольку вершины не годятся для отдыха! И я ещё далёк от завершения своей мечты. Да, я пока ещё далёк от того, чтобы установить порядок и справедливость во всей подвластной мне Вселенной. Подобные хотя бы тем, что были, по словам Елюй-Чуцай, в государстве киданей, и, благодаря его мудрым советам, возрождаемые в моей Империи. Наследники же мои не готовы завершить задуманное мной: они хорошие воины, но недалёковидные правители. А власть, в отличие от богатства, нужно передавать тому, кто мудрее, или хотя бы равному... Благодарю тебя за прямоту, Бессмертный, но твои слова лишь породили печаль в моём сердце.— Великий Чингисхан крепок, а великая цель наверняка продлит годы его величия и жизни. Я же буду молиться за него каждый день, поскольку предсказано мне умереть в тот же год и при той же луне, что и Великому.

«Монах, конечно, хитрит,— подумал он с разочарованием.— Оказывается, даже бессмертные страшатся смерти, что бы там ни утверждал Длиннобородый. Даос сейчас специально выдумал, что мы умрём в один год,— то есть предупредил, что, решив лишиться жизни его, я подпишу собственный смертный приговор. Каков хитрец!»

Так он подумал, но сказал совсем иное:

— Благодарю тебя, Бессмертный, за заботу. Но мысли о смерти пришли ко мне потому, что Вечное Небо подало знак. Впрочем, слова твои о том, что мы уйдём из жизни одновременно, я вложил в своё сердце.

— Вдумайся только, Великий, что означает бессмертие для многих правителей,— монах оживился, словно вспомнил что-то очень важное.— Это когда они мечтают продлить свою жизнь даже не на несколько десятилетий, а, может, всего лишь на несколько дней или даже часов... Я открою тебе секретный рецепт зелья «митридатий», которое

состоит из шестидесяти пяти ингредиентов и нейтрализует любой яд—это и есть доступное средство по продлению твоей бесценной жизни, Великий!..

За время беседы он несколько раз отметил, что книжник Елюй-Чуцай, в совершенстве знающий не только хитайский, но и уйгурский языки, медлит с переводом, слишком долго подыскивая нужные слова. Нет, он, похоже, вовсе не выступает в качестве беспристрастного переводчика, а явно хочет представить именитого мудреца в выгодном свете! Длиннобородый подыскивает вовсе не более точные, а, скорее, более значимые по смыслу выражения, и, даже не являясь большим приверженцем Дао-дэ, старательно подчёркивает мудрость даоса, значимость его нового учения.

«Хитрец думает, что я ничего не замечаю!— внутренне усмехнулся он.— Вот Фао-Шен, тот, наоборот, выделял бы именно не самые удачные мысли и слова монаха. Вроде бы и вся разница, что Елюй-Чуцай подчёркивает значимость другого, а Фао-Шен собственную значимость,— но именно за это я ценю Длиннобородого и презираю лекаря. Фао-Шен вечно боится за своё положение, боится, что каан утратит к нему интерес, поэтому каждый раз стремится хотя бы чуть-чуть возвыситься над остальными... Как часто люди переоценивают свою значимость, не допуская даже мысли о том, что уйди они— и ничего в этой жизни не изменится, а их место тут же займут не менее умные и даже более преданные. То же самое и с каанами: уходит один—приходит другой, а для большинства из их окружения это почти ничего не меняет. Мир от этого не перевернётся, и течение жизни не остановится...»

— Спасибо за заботу обо мне, Бессмертный,— ещё раз поблагодарил он монаха.— И очень жаль, что это единственное, что ты можешь мне предложить!

— Дао учит, что надежда покидает человека последней! В тибетских рукописях я когда-то прочёл, что в прежние времена избранные действительно могли жить по несколько веков, потому что пользовались чудодейственным эликсиром. К сожалению, рецепт его был утерян...

— Но ты знаешь ещё что-то, Бессмертный, раз заговорил об этом эликсире?

— Я сначала не хотел направлять твой разум в плен иллюзий, Великий, поскольку существует лишь одна, да и то призрачная, возможность для долговечной молодости тела. Правда, раскрыть тайну и использовать этот крохотный шанс по силам только одному лишь Великому Правителю народов.

— Душа моя снова наполняется надеждой и радостью! Я слушаю тебя, Бессмертный, и готов дать взамен всё, что ты только пожелаешь!

— Нам предсказано уйти из жизни вместе, Великий, поэтому если ты обретёшь долголетие—обрету его

и я. В сравнении с этим все сокровища мира не стоят ничего! В одном из старых свитков я прочёл о войне Кыргызского кагана с уйгурами четыре века тому назад. Уйгурский хан обладал таким рецептом, поэтому жил долго, сохраняя разум, и государство его становилось сильнее год от года. Правда, эликсир был бессилён против сабли или стрелы! Десять тумэнов⁶ кыргызских воинов под предводительством кагана Ажо осадили уйгурскую столицу Харабалгас на реке Орхон, убили уйгурского кагана и взяли в полон его жену Тай-Хо. Победители захватили богатую добычу, во множестве выюков увезли они золото и драгоценные камни... Но были среди сокровищ две стопки кедровых дощечек-табагын, каждая из которых была стянута шелковой лентой с золотыми застёжками...

— Я надеялся, что ты, Бессмертный, сам владеешь необходимыми знаниями. Какое отношение старинная легенда может иметь к тайне вечной жизни?

— Я понимаю твоё нетерпение, Великий, но именно сейчас ты услышишь самое интересное! На этих кедровых дощечках был записан якобы рецепт эликсира вечной молодости! И я надеюсь, что эти дощечки до сих пор хранятся среди сокровищ кыргызского хана в государстве Хагяс⁷. Правда, они написаны на древнеуйгурском языке и хитроумно зашифрованы, но ведь не существует такого шифра, который невозможно расшифровать?! — Я понял тебя, Бессмертный! Если дощечки сохранились, скоро ты будешь держать их в своих руках! И, надеюсь, найдёшь мудрецов, способных прочитать их!

— Да сбудутся твои слова, Великий! Я знаю, что только ты один способен заполучить дощечки...

— Я безгранично рад нашей встрече, Бессмертный, но вчера мною получено известие о хойхэских горных мятежниках, которые вызвали на бой меня, самого Чингисхана Тэмучина. И я просто обязан покарать их за это! Потом я отправлюсь на восток, и ты, если пожелаешь, можешь присоединиться ко мне — хотя бы до той поры, когда мне доставят эти дощечки с рецептом волшебного эликсира...

— Я с величайшим удовольствием погощу у тебя, Великий. И я уверен, что в процессе наших бесед ты сможешь проникнуть в глубины великого учения Дао.

— Мне интересно будет проводить время в беседах с таким мудрецом, как ты, Бессмертный. Правда, учение Дао — это новое учение, а вера в Вечного Тэнгри прошла через множество веков. Поэтому я убеждён, что именно он, благодетельный, всезнающий и справедливый, вершит судьбы каждого человека и целых народов.

.....

6. Тумэн включает примерно десять тысяч всадников.

7. Часть раздробившегося Кыргызского каганата, включающая современные Хакасию и Туву.

— Познав глубину учения Дао, можно приблизить пусть не тело, но дух к бессмертию!

— Согласись, Бессмертный, что в мире существует очень много разных верований, и трудно отличить истинную веру от заблуждения.

— Дао, так же как и вера в Тэнгри, разделяет мироздание на три уровня — три мира. Так что я не вижу большого различия; главное же отличие — в самосозерцании и совершенствовании духа... — не сдавался даос.

— Те, кому Великий Тэнгри благоволит, ощущают его покровительство без участия самосозерцания и за это воздают хвалу ему. Другие же боги живут под ним и не смеют противиться воле Вечного Синего Неба!

— Об этом у нас будет возможность поговорить, Великий, а сейчас позволь горному дикарю удалиться на отдых. Пусть меня ошибочно и величают Бессмертным, но прожитые годы и долгое путешествие дают о себе знать...

Превозмогая боль в затёкшей и нестерпимо ноющей ноге, Тэмучин поднялся, чтобы с почтением проводить даоса до выхода. Кивком головы он подал знак Елюй-Чуцаю, что тот свободен, а услужливый Фао-Шен уже раскладывал подушки, готовясь сделать каану обезболивающий массаж...

Но следом в шатёр вошёл тысячник Егудэй, и Фао-Шен вынужден был прервать свои приготовления. Бросив вопросительный взгляд на каана и не дождавшись никакого знака, китаец покорно присел на корточки возле своего столика. По-видимому, лекарь не был третьим лишним при предстоящем разговоре — последнее время каан нередко доверял своему переводчику, соглядатаю и врачевателю государственные, а иногда и личные тайны. Так что сейчас своему каану, своему повелителю в шатре подобострастно внимали двое. — В нашей беседе даос Чан-Чунь открыл мне великую тайну, — начал Тэмучин, — причём тайну, требующую незамедлительного исполнения. Ты самый преданный и опытный, а также самый проникательный из всех моих воинов, тысячник Егудэй, поэтому именно тебе я хочу поручить это важное дело.

— Моя душа раскрыта перед твоим всевидящим взором, — отозвался тысячник и склонил голову, — мои уши внимают каждому твоему слову, каан!

— Жизнь каждого из нас начертана Вечным Небом, поэтому и я не властитель своей судьбы, а всего лишь слуга его воли. И порой Небо каждому даёт шанс изменить своё будущее, а единицам — даже шанс изменить будущее всего окружающего мира. Сейчас сам Вечный Тэнгри и я, тень от него на земле, каан Тэмучин, вручаем такой шанс тебе, преданный Егудэй!

— Я выполню всё, что ты прикажешь, каан!

— Мой старший сын Джучи прислал сообщение, что уже скоро, до конца лета, отправит в северные

пределы своего улуса, в страну Хагяс, тумэн Бухи-нойона за лошадьми, которые нужны мне для нового похода на юг. Буха хорошо знает те земли, поскольку в год Барса командовал авангардом войска Джучи при подавлении кыргызского мятежа. Это он обратил азов и кыргызов в бегство, несмотря на их упорное сопротивление. И ты, как один из самых мудрых и рассудительных моих воинов, с двумя сотнями «красных волков» отправишься в страну Хагяс. Но о твоей истинной и тайной цели не должен знать никто.

— Даже Буха-нойон, даже Джучи-хан?

— В крайнем случае, только им двоим ты можешь полностью открыться, но запомни, что я бы этого не желал, хотя Буха и приходит мне зятем! А ещё я отправлю с тобой моего лекаря Фао-Шена, потому что он слышал каждое слово даоса, и он напрямую сообщит тебе всё, что записал сегодня во время беседы.

Фао-Шен, услышав эти слова, несколько раз низко поклонился, выражая свою покорность и готовность незамедлительно выполнить любой приказ повелителя.

— Но как я должен объяснить Джучи-хану своё неожиданное появление? — поинтересовался Егудэй.

— Ты скажешь, что его отец, каан Тэмучин, направил тебя отыскать сокровища кыргызского правителя Еди-инала⁸. А если Буха-нойон непременно захочет узнать что-то ещё, напости ему Великую Книгу Ясы, в которой мною написано: «Мой рядовой кишиктен выше любого армейского начальника-тысячника, а стремённой моего кишиктена выше сотника или десятника, так пусть же не чинятся и не равняются с моими кишиктенами армейские тысячники: в возникших по этому поводу ссорах с моими кишиктенами ответственность падёт на тысячника». Твоя золотая пайцза тысячника по этому повелению не ниже золотой пайцзы с лвиной головой темника⁹ Бухи-нойона, и каждое твоё слово служит наравне приказом для его воинов.

— Когда я должен выступить, каан?

— У тебя ещё достаточно времени, но перед тем, как ты отправишься в ставку Джучи, я напишу секретное послание для моего сына. Возьмёшь с собой две самые лучшие, самые опытные сотни из своей тысячи «красных волков».

— Позволь, каан, взять новую сотню джагуна Седара!

— А-а, это тот удачливый охотник и меткий стрелок? Но ведь он слишком молод и горяч, а кроме того, не закалён в сражениях.

— Да, каан, Седар пока неопытен, к тому же слишком горяч, но я хотел бы взять именно его, потому что этот джагун пристально смотрит на мою дочь Аюшин, да и она, как я заметил, неравнодушна к юному воину.

— Пусть будет так, как ты просишь!

Егудэй, поклонившись, ушёл, а услужливый лекарь тут же начал поправлять подушки, поудобнее уставляя на них каана.

— Великий Чингисхан не боится надолго остаться без верного целителя? — выдержав паузу, задал крайне важный для себя вопрос китаец. — Я заметил, что приготовленные мной мази приносят ему облегчение от боли быстрее, чем другие лекарства. — У меня найдутся и другие лекари, Фао-Шен, а вот в таком важном деле мне нужны очень надёжные глаза и уши. Кроме того, эти облегчения от мазей кратковременны — всё чаще я вижу сны, в которых получаю раны, всё чаще просыпаюсь по ночам и тороплю рассвет, потому что твоём днём легче пережить боль.

— Надеюсь, Вечное Небо поможет тысячнику Егудэю найти рецепт волшебного эликсира, и тогда Великий Чингисхан навсегда забудет о своих ранах. — Я хочу не так уж и много, лекарь, — я всего лишь хочу, чтобы по утрам моё старое тело радовалось пробуждению, несмотря ни на что, невзирая на любые невзгоды. Как это было когда-то в счастливой молодости...

— Да, монах-даос открыл великую тайну. Но позволь сказать, Великий Чингисхан!

— Говори.

— Мне показалось, что он был не очень-то учтив с тобой, особенно когда разговор заходил об учении Дао.

— Все веры во Вселенной — одна суть, а все боги — есть Вечный Тэнгри. Поэтому запрещать какую-либо из них в угоду другой нет смысла. Не стоит тратить на это силы, ибо только само Вечное Небо сможет, если пожелает, вывести человека из лабиринта заблуждений...

Конец лета. Во временной ставке кыргызского правителя Еди-инала, в его большом белом шатре, что величественно возвышается на холме неподалёку от крепости Алтын-кель¹⁰, собрался Большой Совет степи. Тайджи, беги и маатыры¹¹ самых сильных и славных кыргызских, динлинских и азских¹²

8. «Еди-радетель», или «Еди, радеющий за народ». Высший титул «инал» получали те, кто доказал на деле, что забота о народе для него важнее собственных забот.

9. Военачальник, командующий тумэном.

10. Крепость на юго-западной оконечности Койбальской степи, располагалась на отвесном правом берегу реки Абакан.

11. Тайджи — князья, из которых и избирался правитель; беги, или беки — главы родов у древних тюрков, во время войны возглавлявшие родовое ополчение, подчинялись хану; маатыры — лучшие из воинов, буквально — «лучшие герои».

12. Население княжества Кешдим (современная Тыва), входящего в государство Хагяс. Княжества Уйгурия и Алтай к этому времени обособились.

родов, снаряжающих в битвы тумэн и более всадников, сидели полукругом на мягких коврах подле своего правителя, не сводя с него внимательных и почитительных взглядов, не смея даже облокотиться на располагающие в другое время к отдыху и лени подушки. По правую руку от инала расположился мудрый, как сама жизнь, и седой, как снега вершин священного пятиглавого Пургуса¹³, столетний советник Кёнгир. По левую руку правитель собственноручно усадил ещё довольно молодого, мало кому знакомого воина, приплывшего накануне на почти разбитом о подводные камни маленьком плоту по реке Адарчын¹⁴. На пути к ставке инала, к городу Барсхан, смертельно бледный сейчас от потери крови и сил лазутчик преодолел вражескую засаду и множество яростных порохов. Три догнавших его стрелы выпили много крови, но воин доплыл по рвущейся из узкого каньона западного Кёгмена¹⁵ в просторы Койбальской степи¹⁶ горной реке. Однако сейчас жизнь его неумолимо уносила четвёртая стрела, с чёрным опереньем и белым костяным наконечником, лишь слегка оцарапавшая бедро. Молодой воин уже знал свою судьбу, поэтому на его лице запечатлелась не улыбка гордости за совершённое, а скорбная печать прощания с этим миром.

Еди-инал собственноручно положил на блюдо воина нежное мясо, сам налил в его чашу прохладный айран¹⁷ — ибо он, в отличие от других сидящих в шатре, знал, что та крохотная капелька яда змеи-эфы из наконечника стрелы, несмотря на все усилия лучших знахарей, позволит воину увидеть не более ещё одного-двух солнечных восходов. Даже если он герой и принёс в родную степь такое важное известие, даже если он настоящий маатыр, самой высокой ценой — ценой жизни — выполнивший свой долг. Да, правитель государства Хагяс, а теперь и весь Большой Совет степи предупредены им о надвигающейся смертельной опасности...

Тем временем на бескрайнюю равнину с редкими пологими холмами торопливо ложилась

хмурая, тревожная ночь. Низко стелились тяжёлые облака, будто и не по быстро темнеющему небу плыли они, а подползали из-за дальних холмов на горизонте. Это, должно быть, ветер тревоги согнал их с лежбищ на вершинах Кёгменского хребта? Свет луны, изредка проглядывавая сквозь рваную кошму облаков, то выхватывал из темноты каменную крепостную стену, то отражался зловещим сполохом в беспокойной воде Адарчына, стремящегося в объятья могучего Ким-су¹⁸.

Вокруг белого шатра с поднятым над ним зелёным знаменем замерло кольцо всадников в тяжёлых доспехах — это преданная охрана. Воины напряжённо глядятываются в сумрак, чутко слушают звенящую тишину. На левом колене у каждого покоится тугой боевой лук, на тетиве которого приготовилась к смертоносному полёту тяжёлая стрела. Даже если тень крадущейся лисицы возникнет на фоне неба или в переменчивом свете луны — тяжёлые стрелы прервут её путь к шатру. Даже если плавно заскользит над головой силуэт ночной хищницы совы — меткие стрелы оборвут её бесшумный полёт. Потому что даже звери-оборотни, даже оборотни-птицы, в которых может обратиться коварный враг, не должны услышать то, о чём этой ночью говорится на Большом Совете степи...

— Мы когда-то смогли противостоять движущимся с юга, а также с запада и с восхода солнца уйгурам, каракитаям, киданям и найманам, — начал свою проникновенную речь Еди-инал, — хотя эти сражения дорого стоили нашему объединённому народу. Поэтому, когда в год Зайца¹⁹ войско старшего сына Чингисхана Тэмучина Джучи-хана, покорившего ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, подступило к стенам крепости, то у крепких и надёжных стен её я, тогдашний каган Еди-инал, и мои братья, эльтебер княжества Кешдим²⁰ мудрый Алтыэр и эльтебер княжества Алтай Олебек-дигин, встретили старшего сына каана кречетами-шинхот, белыми меринами и чёрными соболями. Я не стыжусь того поступка, потому что сохранил не только жизни воинов, но и наши семьи, наши жилища, наши пастбища. Правда, в год Барса²¹, когда наши братья-азы подняли восстание, войско ненасытного Джучи под предводительством Бухи-нойона снова пришлось зимой по льду Ким-су и силой заставило нас и азов вернуться в его большой улус кыштымами²². Он забрал такую добычу, какую захотел, но при этом отнял жизни многих наших воинов. И вот теперь темник Буханойон снова идёт сюда, уже с запада — с верховьев Адарчына! Идёт всего лишь с одним тумэном, но идёт за новой добычей...

В полной тишине присутствовавшие жадно внимали словам. Да, Еди-инал умел красиво и проникновенно говорить, недаром с детства его

13. Гора-двухтысячник Борус, видимая со значительной территории Койбальской степи.

14. Старинное название реки Абакан, левобережного притока Енисея.

15. Древнее название Саянских хребтов — Западного и Восточного Саяна.

16. Степная территория в междуречье Абакана и Енисея.

17. Сквашенное коровье молоко.

18. Древнекыргызское название Енисея, существовавшее одновременно с тувинскими Кем и Улуг-Хем.

19. 1207 год.

20. Древнее название Тувы.

21. 1218 год.

22. Данниками.

учителем был сам мудрый Кёнгир, и не случайно он носил звание инала.

— Верный пёс Джучи-хана ведёт свой тумэн на берега Ким-су, ведёт в нашу Койбальскую степь. Всего, казалось бы, десять тысяч всадников! И он прекрасно знает, что с одним тумэном мы легко можем справиться, что у нас хватит отважных воинов, чтобы развернуть незваных пришельцев назад, в южные степи. Но и мы тоже знаем, что у Чингисхана бесчисленное множество тумэнов и много опытных нойонов-военачальников. Джучи-хану нужен всего лишь повод, чтобы начать большую войну! Так пусть Большой Совет степи сегодня решит, получит ли он этот повод. . .

Люди в шатре внимательно слушали своего инала. Молча слушал его и приглашённый на Совет не бег и даже не маатыр, а простой динлин—охотник Оспаар.

— Моголам нужен наш скот,—продолжил свою речь Еди-инал,—многочисленный и откормленный, и они, как обычно, не спешат терять своих воинов, если всё можно решить мирно. Так они поступали и поступают всегда! И мы тоже, как я полагаю, вынуждены будем смириться и поделимся с этой прозорливой саранчой своими стадами. Конечно, самых лучших коней и овец мы сможем сохранить для себя, отогнав их сейчас из степи в тайгу и надёжно спрятав в скрытых от ветров и чужих глаз горных логах. Так думаю я, правитель Еди-инал, но так ли решит Совет степи?.. Понятно ли я изложил свои мысли, учитель Кёнгир?

— Всё так, мой инал! Всё сказано правильно,—седой старец утвердительно закивал головой.

Согласно закивало головами и большинство присутствующих. Теперь многим стало ясно, почему Совет собран здесь, в крепости южнее ставки Кемиджет. В случае, если Совет решит начать войну, в эту крепость стянутся кыргызские тумэны и преградят путь врагу. Если же Совет решит откупиться, то, опять же, предусмотрительный Еди-инал встретит здесь моголов с подарками, чтобы обсудить условия мирного соглашения. И ни один большой аал²³ не подвергнется разграблению, ни один из его жителей не будет убит. Мудр и предусмотрителен, как всегда, Еди-инал. . .

А тот поднял свою покрытую татуировками руку вверх, призывая всех к вниманию, и продолжил:

— А ещё сидящий рядом со мной воин сообщил, что начальник охраны Чингисхана, тысячник «красных волков» Егудэй, прознал о наших древних сокровищах. Мало кто посвящён в эту тайну, но присутствующим я обязан сказать: сокровища сейчас здесь, в крепости. И если Совет решит—они будут отданы Егудэю! Или же будут увезены в горы. Тогда ненасытная стая должна будет узнать от кого-нибудь, что у нас их уже нет. Пусть ищут там,—Еди-инал обвёл рукой воображаемый

горизонт,—а не в крепости и не в ставке Кемиджет. Кёгменские горы нескончаемы, и бескрайняя тайга надёжно скроет нашу тайну от чужих глаз. . . Я с чистой совестью смогу сказать Бухе-нойону, что вёз их сюда, в крепость, чтобы передать в подарок каану Тэмучину, но по дороге они были похищены и погоня, которую я послал следом, вернулась ни с чем. Пусть ищут сами. . .

Каждый из сидящих в шатре не раз за свою жизнь слышал на пирах под звуки чатхана²⁴ напевные сказания о славном прошлом, когда четыре века тому назад множество тумэнов под предводительством великого Ажо²⁵ двинулось на завоевателей-уйгуров. Десять тумэнов осадили уйгурскую столицу Орду-Бельк на реке Орхон, убили уйгурского кагана и взяли в полон его жену Тай-Хо, а также великое множество сокровищ. Славная была победа, и даже эту крепость, что высится неподалёку от шатра, как и множество других по границам земель, строили потом пленные уйгуры. . .

— Ты мудр, правитель Еди-инал, но очень неосторожен, ведь здесь много ушей!—сказал сплошь покрытый боевыми татуировками и всегда подозрительный бег Хыят, теребя свою киджеге²⁶.

— Я верю, что среди нас нет и не может быть предателя!—громкоголово возразил Еди-инал.— Пусть будет так, как решил инал! Пусть будет так!—словно многоголосое эхо, зазвучало вокруг.— Но и это ещё не всё!—инал никогда не любил долгих обсуждений, поэтому перешёл к последнему вопросу.— Встань, Оспаар, охотник с Кёгменских гор, встань и слушай! И слушайте все, собравшиеся на Совет! Пришла пора больших испытаний, и все знают, что наши воины не дрогнули бы в сражениях и много пролили бы крови врагов, прежде чем копыта чужих коней безнаказанно сомнут травы в Койбальской степи. Но сейчас всем живущим по берегам быстрого Адарчына и могучего Ким-су нужно думать о мире. Слушай, старый охотник, слушайте и вы, собравшиеся на Совет! Наступает время тяжёлых испытаний, поэтому мы должны предусмотрительно думать о завтрашнем дне. . .

Участники Совета одобрительно закивали, одобряя мудрые слова своего правителя.

.....
23. Полукочеевое селение с переносными юртами.

24. Хакасский 3–4 струнный инструмент типа гуслей в форме продолговатого ящика. Корпус выдалбливался из цельного куска кедра, струны плелись из конского волоса, их тембр регулировался подкладываемыми бабками—короткими надкопытными суставами овец.

25. Верховный правитель Кыргызского каганата.

26. Заплетённая сзади коса у кыргызов, так же как у китайцев и монголов, являлась признаком мужественности.

— Для тебя, охотник Оспаар,— продолжил инал,— есть важное дело, и сейчас, после принятого решения, оно стало главным. Пусть его тоже решит Совет, всем членам которого я доверяю как себе... Кочья по границе степи и Кёгменских гор, наши предки и предки наших предков нашли много золота и серебра. Это богатство подарили им щедрые горы, а ещё много дорогих украшений и самоцветных камней отдали за коней и овец проходящие через Койбальскую степь кочевые племена. Всё это хранилось на «чёрный» день, ибо в самый засушливый и неурожайный год только сокровища смогут спасти наш народ от голода. Должны ли мы сейчас отдать всё накопленное прознавшим о наших богатствах алчным захватчикам? — Нет! Нет! — послышалось со всех сторон шатра. — Могольский каан и без того богат!

— Это стадо мелких племён и безвестных народов набрало большую силу! — выкрикнул Хыят. — В насмешку над всеми они называют себя моголами — то есть великими! Но настанет время, когда из-за чужих богатств эти дикари начнут ломать хребты друг другу!..

— Скажи нам, знающий горы Оспаар,— снова обратился к охотнику Еди-инал, когда затих шум голосов в шатре, — есть ли в предгорьях снежных хребтов известное лишь тебе одному потаённое место? Такое место, в котором спрятанные сокровища невозможно найти никому?

Задумался седовласый охотник под вопрошающими взглядами окружающих, не торопясь ответить на вопрос.

— И я ещё не всё сказал вам, соплеменники, — давая охотнику время подумать, снова заговорил инал. — Более четырёх веков тому назад, когда могучее Кёгменское государство победило сильных уйгуров, наши воины захватили богатую добычу. Мало кто знает теперь, как велики были тогдашние боевые трофеи! Во множестве вьюков привезены были в ставку и браслеты-плексес, и перстни с аксамитами, золотистыми топазами, голубыми аквамаринами, зелёными смарагдами, синеватыми сапфирами... И знайте, что все сокровища доньше принадлежат нашему народу! Как мы считали, с тех давних пор враги позабыли об этом богатстве, но, как оказалась, великая тайна уже перестала быть тайной. Потому об этом узнает теперь и Совет, узнаешь и ты, охотник Оспаар... А ещё... — инал посмотрел сначала на мудрого Кёнгира, который едва заметно ему кивнул, а потом окинул испытующим взглядом буквально замороженных его словами участников Большого Совета. — А ещё я скажу вам о том, что до сих пор оставалось тайной для всех, и лишь я да ещё один посвящённый были хранителями её. Совсем недавно Чингисхан Тэмучин узнал от монаха-даоса эту тайну тайн, так что, посылая в наши степи своих лучших воинов, он думает

не только о скоте и сокровищах. У него ведь и так много золота, недаром он сидит в золотом шатре на золотом троне! У даоса Чан-Чуня, который недавно проезжал через земли Алтая в его ставку, Чингисхан узнал о рецепте эликсира бессмертия... — Сладкоязычный монах тоже продался жестокому Тэмучину! — воскликнул нетерпеливый Хыят. — Говорят, что сам он живёт уже триста лет?! — Нет, сам Чан-Чунь не владеет секретом, — продолжил Еди-инал, — но от него Чингисхан получил сведения, что вместе с драгоценностями победители уйгуров захватили две стопки кедровых дощечек-табагын, каждая из которых стянута шёлковыми лентами с золотыми застёжками. Именно за ними послан сюда Егудэй. Так утверждает этот великий воин, что сидит рядом со мной...

Еди-инал опустил глаза и положил руку на плечо воина, а помолчав несколько мгновений, продолжил, глядя уже на собравшихся:

— Эти древние табагын — вот что нужно в первую очередь «наследнику меркитского плена» Джучихану! Ими он хочет купить расположение отца и возвыситься над своими братьями на белом войлоке почёта, чтобы впоследствии стать преемником Чингисхана. Каганы кыргызских земель четыре века передавали табагын с древними уйгурскими письменами по наследству, зная об их назначении, но так и не сумев разгадать хитроумный шифр. Учёный же монах Чан-Чунь утверждает, что изучил тот древний забытый язык, и якобы пообещал прочесть начертанное. Во всяком случае, он заверил Чингисхана, что только на этих табагын и сохранился единственный настоящий рецепт возвращения молодости — рецепт, открывающий тайну вечной жизни...

— Каан Тэмучин, видимо, совсем плох, раз его воины не стали дожидаться зимы, когда морозы скуют Ким-су и он превратится в лёгкую дорогу для всадников? — задал вопрос сидящий напротив Еди-инала бег Сагай.

— Чингисхану Тэмучину мало великой славы и великих смертей, он хочет повелевать и убивать вечно... — задумчиво поглаживая свою белоснежную бороду, глубокомысленно промолвил старый Кёнгир. — Он, видимо, посчитал, что в долгих беседах с даосом Чан-Чунем уже нашёл ответ, как продлить свою жизнь... Это последняя надежда Тэмучина и главная ценность на просторах наших кыргызских земель! И я думаю, что он не должен получить от нас даже столь призрачную надежду!.. — Да! Да! Именно так! — зазвучало под сводом шатра множество голосов.

Почтительно замолчавший при первых же словах Кёнгира, Еди-инал снова обратился к охотнику:

— Так ответь мне, Оспаар, знающий все звериные и человеческие тропы в тайге и в горах: сможешь ли ты сохранить эти сокровища для нашего

народа, для будущих поколений? Я понимаю, что это нелегко. Вот этот воин, который сейчас угасает от действия змеиног яда, самлично видел, как седлали коней две сотни «красных волков» — лучших воинов из личного тумэна каана. Во главе их глаза и уши Чингисхана, хитрая лиса и беспощадный ирбис²⁷ в одном лице — тысячник Егудэй. Они будут мчаться на своих быстрых скакунах впереди и по сторонам тумэна Бухи-нойона, вынюхивая добычу, словно настоящая волчья стая. И не было случая, охотник Оспаар, чтобы Егудэй со своими «красными волками» не исполнил приказа своего повелителя...

— Страшный Егудэй, этот преданный пёс каана Тэмучина, идёт к нам за бесценными кедровыми дощечками, — утвердительно закивал головой седобородый Кёнгир, — а все остальные драгоценности — это всего лишь награда его воинам. Понял ли ты это, охотник Оспаар?

— Я не пропустил ни одного слова, посадив своё внимание на скачущего коня, — медленно подбирая слова, заговорил старый охотник. — Язык же мой всегда следует пешком и без спешки, чтоб не споткнуться... Далеко в горах, у розовых скал, каких немало встречается на Кёгмене, есть скрытая глубоко под землёй пещера. Найти её не сможет ни один человек, в том числе и воины Егудэя, так гордящиеся своими шапками из шкуры красного волка...

— Хорошо, Оспаар! — согласился Еди-инал при полном молчании Совета. — Я доверяю твоему твёрдому слову. Завтра утром, на восходе солнца, бег Хыят лично отберёт для тебя пятьдесят самых лучших, самых резвых коней, а ты лишь проследи, чтобы половину из них умело навьючили, потому что кожаные мешки и перемётные сумы будут достаточно тяжелы...

Осторожный Еди-инал сказал Большому Совету не всё, недаром с детских лет его советником был мудрый и предусмотрительный Кёнгир. Как нельзя всю воду хранить в одном хрупком кувшине, так и все сокровища глупо хранить в одном месте, а тайна, о которой знают всего лишь двое, — это уже не тайна. А тем более — если она известна многим. Инал умолчал о том, что драгоценные камни и самые дорогие украшения, которые поместились всего лишь в нескольких небольших кожаных мешках, давным-давно захоронены в надёжном месте. Правители любой из стран на юге отдали бы, не торгуясь, за эти бесценные самоцветы половину своих стад и хранилищ зерна, но до поры до времени единственными хранителями тайного места являются лишь дождь и ветер, да ещё, может быть, бессловесные суслики, которые в степи роют норы повсюду.

Когда участники Большого Совета разъехались, в шатре остались три человека: правитель Еди-инал, его советник Кёнгир и старый охотник.

— Охотник Оспаар, — снова задал вопрос инал, — уверен ли ты, что «красные волки» не найдут твою потайную пещеру?

— О ней знают лишь я да ещё мои сыновья, которые уйдут со мной. И даже я, всю жизнь проведший в горах, обнаружил пещеру лишь потому, что в страшную, сокрушающую деревья грозу меня привёл к ней Чёрный Ажо...

— Ты встречался с самим Чёрным Ажо? — удивлённо переспросил старый Кёнгир. — Такая встреча предвещает либо большую удачу, либо большую беду...

— Да, — подтвердил охотник, — мне довелось увидеть этого чёрного, как самая тёмная ночь, марала. Старики утверждают, что Главный Хан гор и тайги Чёрный Ажо рождается раз в сто лет, и увидеть его — великое счастье для человека. Он могуч и справедлив, он не боится ничего и никого, поэтому иногда помогает даже охотникам, попавшим в беду...

— Стоит ли нам сейчас выслушивать сказки? — Еди-инал поднял на советника Кёнгира вопрошающий взгляд, и на лице его лежала тень недоверия. — Они уместны на весёлом тое или на ночь для детей, но не в таком серьёзном деле. Во всяком случае, не сегодня, охотник Оспаар!

— А я верю охотнику, — не согласился Кёнгир. — Старые предания о встречах с Чёрным Ажо пришли к нам от очень уважаемых людей, каждое слово которых заслуживает доверия. Встреча с Властелином тайги хорошему человеку сулит удачу, а значит, и место, где его встретил охотник Оспаар, тоже сулит удачу...

В ответ на эти слова охотник вытащил из-за пояса нож с костяной ручкой и костяными накладками на ножнах и протянул его правителю.

— Я побоялся, что злые духи со временем отведут меня от тайного места, не позволят ещё раз войти в пещеру или просто украдут мою память, поэтому вырезал на кости приметные вершины и знаки, которые оставил для себя в тайге. Нож я оставляю в залог того, что мои слова правдивы, и ещё потому, что у вас он будет сохранней.

— Может, стоит просто уничтожить его? — спросил Еди-инал.

— Ни к чему уничтожать, мой инал, — ответил охотник. — Даже с ним никто, кроме меня и моих сыновей, не найдёт вход в пещеру. Я заберу его, когда минует утро, и мы с сыновьями вернёмся сюда. — Хорошо, вместе с ним вы получите ещё и достойную награду.

— Мудрый Кёнгир, — обратился вдруг к советнику Оспаар, — зачем ты так неосторожно рассказал Совету о бесценных табагын?

— Я уверен, что Чан-Чунь ввёл в заблуждение каана Тэмучина, — спокойно ответил старик, — ибо

27. Снежный барс, живущий на труднодоступных вершинах Саянских гор.

вечная жизнь не дана ни великому воину, ни даже самому большому мудрецу. Я думаю, что дощечки невозможно прочитать, а если это и не так, то разве не истина, что того, кто написал рецепт, давно уже нет в живых? Ибо даже эти кедровые дощечки пережили его...

— А ещё, мой инал,— обратился охотник теперь уже к правителю,— прикажи бегу Хыяту привезти два раза по пять десятков лошадей. И пусть это будут не самые быстрые кони— лучше, чтобы они были привычными к горным тропам.

— Зачем тебе столько коней?— удивлённо спросил Кёнгир.— Ведь поклажа для каждого будет невелика, а среди них и так половина запасных...

— Слишком много людей увидят мой отъезд, поэтому в горы должны уйти два каравана: один как можно более скрытно уведу я с сыновьями и без охраны, а другой, с многочисленным сопровождением, до самых предгорий пусть поведёт твой верный человек. Пусть мешки с простыми камнями станут, хотя бы поначалу, аппетитной костью для «красных волков» Егудэя.

— Да, сделаем именно так,— согласился Еди-инал.— Среди воинов Егудэя много хороших следопытов, и в конце концов они всё равно ринутся за тобой, словно стая голодных волков. Нужно, чтобы они как можно дольше шли по ложному следу, пока не потеряют время, а потом и надежду...

Короток день сборов, и поэтому кажется, что ночь пришла раньше срока. Свет луны лишь изредка и ненадолго пробивается в разрывы туч— и тогда ближние курганы призрачно серебрятся, напоминая горбы огромных спящих верблюдов. Устремлённая же вертикально вверх и как будто достигающая туч священная гора Умай в такие моменты представляется серебряной подпоркой, удерживающей от падения на землю тяжёлое небо. Отсюда, от подножья, на ней невозможно разглядеть силуэт скачущего коня, который и при жёлтом свете солнца, и при белом свете луны хорошо виден с берега Ким-су. Тёмные кроны разросшихся сосен давным-давно создали на склоне этот священный для каждого степняка рисунок, который даже время не смогло размыть, даже таёжные пожары не смогли уничтожить...

Когда же луна вновь скрывается, то пространство совсем сжимается— и пламя угасающего костра окрашивает в красноватый цвет лишь траву вокруг да зловещую личину каменного изваяния. Да ещё шамана в чёрных одеждах, склонившегося перед ним.

Опустившись от безграничной усталости на колени и положив рядом бубен, шаман обмазал каменные губы изваяния кровью жертвенного чёрного барана и зарыл баранью лопатку в горячую золу. Люди, плотным кольцом окружившие костёр

и лишь едва угадывающиеся во тьме, замерли в молчаливом ожидании...

Вот шаман достал лопатку, сдул с неё золу и, плюнув три раза, стал внимательно разглядывать в свете костра. В наступившей тишине заговорил сначала тихо, а потом всё громче и громче:

— Вижу большую реку, вырывающуюся из высоких гор... Вижу несметную чёрную силу, движущуюся сюда вдоль реки. Она приближается к юртам у подножья гор! Это наши юрты! Но вижу также, что не будут они сожжены, а останутся стоять, когда чёрные всадники повернут назад...

Словно ветер прошелестел вокруг— это вздох облегчения пронёсся над священным местом у подножья горы Умай...

А перед самым восходом солнца, когда на востоке едва заалело небо над цепочкой далёких горных пиков, большой караван в сотню лошадей вышел из крепости. Не в столицу Алтын-кель лежал его путь, а на восток, в сторону Ким-су.

Лишь после полудня всадники с гружёными лошадьми в поводу достигли берега могучей реки и там разделились: одни повернули на юг—туда, где сверкала белыми шапками высочайшая гора Кёгмена пятиглавый Пургус, а другие переправились на подготовленных заранее плотах на противоположный берег. Этот второй караван в полсотни коней повёл на восток охотник Оспаар в сопровождении своих сыновей.

Весь путь охотник и сопровождавшие внимательно смотрели по сторонам: не возникнет ли на горизонте, на вершине какого-либо из возвышавшихся в степи курганов силуэт всадника— вражеского разведчика? Но всё было спокойно, лишь пересвистывались потревоженные тяжёлой поступью коней суслики, да неподвижно парили высоко над головой выселивающие добычу коршуны. Коней старались вести не след в след, чтобы не выбивалась заметная тропа. А так пройдёт несколько дней, и примятая трава выпрямится, особенно после дождя. Тогда даже опытный следопыт не сразу обнаружит, что здесь прошли гружёные кони. Когда же приблизились, наконец, к покрытым густой тайгой горам, Оспаар совсем успокоился: под плотным пологом леса даже самый зоркий глаз из степи не разглядит цепочку коней и людей, не прокрадётся по следу мимо оставленных позади в засадах сыновей. Они-то хорошо знают этот путь, и задние спуская какое-то время догонят караван— чтобы снова затаиться за скалой или в густой кроне дерева...

Ближе к вечеру второго дня караван вышел к предгорьям, и там, под покровом густого леса, Оспаар повернул на юг. Какое-то время они двигались вдоль берега довольно широкой речки, изрезанного глубокими логами, со сбегаящими по ним бурными ручьями. А утром следующего дня Оспаар разделил караван, и трое его сыновей повернули

ненагруженных лошадей в крутой каменистый лог, по дну которого звонко сбегал пенистый ручей. Остальных коней он повёл дальше—в один из пологих и неприметных сухих ложков, перед которым на копыта всех коней надел небольшие кожаные чулки. Теперь даже самый опытный глаз не смог бы определить, что за зверь кое-где на склоне приямл низкорослую траву или сбил с камня мох.

Всё дальше и всё выше уходили оба каравана в однообразную бескрайность тайги, всё больше углублялись в теснины между возвышающимися над нею скальными грядами. Старый охотник стал чаще и внимательней посматривать на причудливые скалы-останцы, вздымающиеся среди могучих кедров, сверяя по ним свой путь. Один раз почудилось ему сквозь ветви деревьев, что на отвесной серой скале возник силуэт чёрного марала. Сделав несколько шагов, Оспаар явственно разглядел в наступающих сумерках его: неподвижно замершего, гордо вскинувшего голову с огромными ветвистыми рогами. Чёрный Ажо будто пришёл взглянуть на пробирающихся к неизвестной цели лошадей и людей.

Оспаар улыбнулся, подумал: нет, не показалось—это сам Хан Тайги вышел его встречать. Чёрный Ажо помог ему тогда—поможет и теперь в его правом деле...

На очередной развилке двух уходящих вниз и ничем не отличающихся от предыдущих логов Оспаар остановил караван на короткий отдых. До заветной пещеры оставалось совсем немного. Он и три его сына разгрузят караван, а потом сыновья уведут лошадей дальше... Чтобы потом всем собраться вместе и скрытно охранять подступы к тайной пещере. А ещё лучше увести врагов по ложному следу—только так можно сохранить доверенную им тайну...

Да, много, очень много дошло до киргизских земель слухов о невероятной прозорливости «красных волков» и о жестокости их начальника Егудэя, который изощрёнными пытками мог заставить говорить любого. А могольские лазутчики—эти глаза и уши Чингисхана—всегда славились своей изобретательностью. Так, готовя будущий поход в земли аланов и кипчаков, они присылали оттуда в подарок своему хану рулоны дешёвых ковров, на первый взгляд поражавших полной безвкусицей. Непонятные узоры из разноцветных переплетающихся линий, вкрапления чёрных и синих фигур... Много рук разворачивали эти ковры по пути через границы государств, много ртов кривилось в усмешке—и ни одни глаза не увидели в них карты местности и будущие пути, по которым вскоре двинутся через Ширванское ущелье всесокрушающие тумэны Великого каана...

Нашествие—словно степной пожар. Перед этим жизнь течёт много дней спокойно и размеренно,

убаюкивая своим спокойствием и монотонностью. И вроде бы ничего не предвещает беды, поскольку чист дальний горизонт, сочно зеленеет трава, лениво пасётся скот... Но вот чей-то зоркий глаз замечает, что вдали возникла тоненькая, едва приметная струйка дыма. Это ещё не угроза: может, пастухи бросили в свой костёр сырые дрова, может, кто-то выжигает участок под будущую пашню. Даже если загорелась от непотушенного костра прошлогодняя трава, огонь может вскоре заглохнуть, упёршись в ручей или в каменную осыпь, может уйти в другую сторону—и угаснуть в бескрайней степи, наткнувшись на ещё одно пепелище. То есть может просто обозначить себя на дальнем горизонте—чтобы там же, вдали, и умереть под струями, например, спасительного дождя...

Да, дымок на горизонте—это ещё не угроза. Однако порой не успеешь оглянуться, как вот она, беда, рядом—с порывом ветра поднимается из сухой травы огненная стена! И нет от этой всепожирающей силы пощады ни молодой пробивающейся траве, ни раскрывшим первые клейкие листья деревьям, ни степной живности. И нет уже никакого сомнения, что прочмится она, подгоняемая неведомо откуда налетевшим ураганом, через всю обозримую степь, оставляя позади лишь смерть и чёрную выжженную землю, которой немало дней, а то и лет понадобится потом, чтобы заново родить жизнь. И для людей тоже остаётся единственное спасение—это вскочить на быстрого скакуна и, бросив беспощадному врагу юрту и хозяйство, спастись бегством. Потому как не отсекут уже теперь от набравшего силу огня ни ручьи, ни озёра, а может преградить ему путь лишь большая вода. Только полноводный Ким-су способен остановить любую огненную стихию и заставить её биться в бессильной ярости, умирая у кромки реки...

Но могучий, полноводный Ким-су способен остановить и вражеское нашествие. Не раз защищал он племена земледельцев и скотоводов киргизской земли от армий завоевателей и орд грабителей. Высокие крутые хребты и широкая стремнина Ким-су, прорезающего хребет Кёгмен, являлись той пограничной стражей, той непреодолимой преградой, которая отбивала охотку к поживе у многих. Ведь пеший степняк—плохой воин, а их лошади не могут преодолеть почти отвесные скалистые склоны, пересекать многочисленные курумники²⁸—эти предательски неустойчивые россыпи огромных камней. Может быть, и можно за много дней да с невероятными трудностями прийти со знающим проводником из могольских степей по тайным тропам—но вот

28. Россыпь крупных, иногда подвижных, камней на склонах гор и в распадках между ними.

как возвращаться по ним с тяжёлой добычей? Неминуемо настигнет погоня... Большой же воды степняки страшились всегда: не только боялись сплываться через кипящие пеной пороги и перекаты, но и организовать переправу, тем более для многочисленного отряда, было для них достаточно трудной задачей. Так что Ким-су во все времена служил серьёзной преградой для захватчиков...

Но на этот раз чёрная сила пришла не по льду замёрзшего Ким-су, а через Кёгмен — да к тому же, неожиданно, летом. Эту силу, казалось бы, можно было победить, но тогда следом придёт другая, бесчисленная и ещё более беспощадная. И останется либо всем погибнуть в неравной битве, либо покориться, но уже с великим позором...

Всего-то два дня прошло с тех пор, как ушёл к Ким-су большой караван, а уже гудела от тяжёлого конского топота Койбальская степь. Чуда не произошло: пришла беда, какой вот уже почти пять лет не знала эта земля. Могольские конники из тумэна Бухи-нойона заполонили весь горизонт. И впервые враги пришли не с юга и не с востока, а, словно чёрная лавина, накатывались они с запада, со стороны кровавого предвечернего солнца. «Кху! Кху! Кху!» — несётся впереди них вырывающийся из десяти тысяч глоток пронзительный боевой клич, который не только наводил ужас на женщин и детей, но вселял страх даже в сердца давно уже отвыкших бояться чего-либо стариков, леденил души закалённых в сражениях воинов.

И правитель Еди-инал, услышав этот клич, вышел навстречу моголам из своего шестнадцатилетнего белого шагра с опущенной головой: беду подобает встречать мужественно и покорно...

Буха с самого начала похода был уверен, что никакого серьёзного сопротивления воины государства Хагя не окажут. Слишком мало времени прошло с его предыдущего похода, слишком свежа память кыргызов о сокрушительном поражении. К тому же подтаёжные степняки, живущие земледелием и скотоводством, не оттачивают постоянно своё военное мастерство в набегах, не готовятся ежечасно к предстоящей войне.

Да, кыргызы не успели оправиться после разгрома их Джучи-ханом, и осторожный кыргызский хан Еди-инал не решился оказать сопротивление даже одному-единственному тумэну. Правитель Кёгменской страны встречал могольских воинов не острыми стрелами — он встречал их как дорогих гостей.

«Их не нужно убивать, их нужно просто снова подчинить», — сказал Джучи-хан своему нойону, а он, темник Буха, передал эти слова своим тысячникам. — Пусть, как и прежде, они пасут свои отары овец и табуны быстрых скакунов, пусть сеют рожь и пшеницу — но пусть снова вспомнят,

что живут они не для себя, а для Великого каана. И, конечно же, для всех, ведущих начало от Сизого Волка и Пёстрой Лани... Джучи-хан справедлив, он определил, что каждой осенью будет забирать лишь половину, а то и треть скота, откормленного на сочных травах, что растут вдоль берегов реки Йенесай. И в котлах их юрт пусть тоже варится сытное мясо — если не будут лениться, если будут исправно платить албан²⁹ своему повелителю...»

Нет, не напрасно Еди-инал всегда ценил советы мудрого советника — старого Кёнгира, и, может быть, именно поэтому полностью доверяли ему беги всех подвластных степных родов. Именно благодаря умным советам Кёнгира и поддержке всего народа инал становился воинственным, когда это нужно, или, наоборот, вооружался самым действенным оружием — предусмотрительностью. Вот и сейчас он почтительно, внешне даже подобострастно поклонился Бухе-нойону, пригласил в свой большой шатёр, усадил на самое почётное место, стал расспрашивать о здоровье Джучи-хана и его отца, Великого Покорителя стран и народов Чингисхана.

Нойон же, окончательно убедившись, что сражаться не придётся, находился в раздвоенном состоянии чувств. Его не остывший боевой пыл воина жаждал пусть небольшой, но привычно будоражащей душу яростной схватки, жаждал крови поверженных противников и мольбы о пощаде тех, кто остался жив. Так уже было на этой земле пять лет тому назад! В то же время трезвый разум нойона успокаивал: «Пусть в такой победе меньше доблести, зато все воины останутся целы и отдохнут после изнурительного перехода через горы, а их кони быстро восстановят силы на здешних прекрасных пастбищах...» В этом непростом споре сердца и разума военачальник вынужден был всё-таки согласиться с разумом.

Приняв окончательное решение в пользу мирных переговоров, Буха облегчённо надул щёки и даже довольно щёлкнул пальцами, когда сам правитель кыргызов Еди-инал поднёс ему в золотой чаше молодую конину, а в прекрасном золотом кубке — прохладный айран. И хозяин шагра без напоминаний, под внимательным взглядом нойона, первым отщипнул кусочек мяса и отпил из кубка — и только после этого передал угощение.

Данный ритуал требовал неукоснительного соблюдения, ибо моголы, помня судьбу отца Чингисхана, не доверяли чужим, боясь быть отравленными. Следом молодые девушки в нарядных одеждах из узорного шёлка, шеи которых ещё не покрывали татуировки замужества, поднесли горячую пищу и пьянящие напитки сидящим полукругом по сторонам от Бухи тысячникам. Они во множестве ставили на ковры варёную конину и баранину, сыры и колбасы — ибо ходила среди кыргызов насмешливая притча, что, садясь утром в сёдла,

29. Установленная дань.

могольские воины не едят, жалея лошадей, зато вечером, перед сном, набрасываются на еду, словно голодные собаки. Будто бы они даже выкапывают улобление под кошмой, на которой укладываются спать, чтобы поместить туда свой туго набитый живот.

Бухе-нойону почтительный хозяин время от времени собственноручно подносил золотой кубок, наполненный арачаном³⁰ из старинного санидского серебряного кувшина, тысячники же без меры пили из белых чашек танского фарфора крепкие араку³¹ и арзу³². Довольный угощением нойон прямо тут же, во время трапезы, начал перечислять, какую дань они намерены получить от страны кыргызов. Действительно, что церемониться, если эта страна не имеет даже единого названия, и называют её то Хонгораем, или Кёгменской страной, то страной Хагяс, то государством Кыргыз?.. Тем более что и подвластный хан Еди-инал не возражал, а только согласно и покорно кивал головой...

— Ты мудрый правитель, Кыргыз-хан, недаром встретил меня на границе Еди-Урун³³, а не в своей столице — изрёк довольный нойон. — Ведь мои воины могут и не пойти дальше, они могут обустроить ставку здесь. Если, конечно, всё это время будет достаточно молодого мяса и крепкой арзы...

Еди-инал опять согласно кивнул головой и подал знак. В шатёр внесли подарки для Бухи и его тысячников. Это были богато украшенные мехами одежды и прекрасные сабли с резными рукоятками и накладками на ножнах из рога худу³⁴. А перед Бухой положили ещё и превосходный куяк³⁵, собранный из железных пластин с золотыми накладками, изображающими хищных зверей.

Благосклонно принимая подарки, нойон признал:

— Да, ты богат, правитель Еди-инал, но всё равно тебе далеко до нашего каана Чингисхана. У него есть шатёр из белого китайского шёлка, который может вместить две тысячи человек, и есть шатёр из пламенно-красного пурпура необычайной красоты... У тебя, правда, много мехов соболей и серой белки, много жёлтого рога худу и, как я вижу, много золота и серебра. Но и у нашего каана всего этого в избытке, а если он только захочет, будет много больше. Однако у тебя есть то, что именно сейчас нужно Чингисхану, — это тысячи прекрасных лошадей, необходимых его воинам в новом походе. И ещё, я знаю, есть нечто, что дороже всех твоих табунов. Отдай мне те сокровища, что были захвачены несколько веков тому назад вашим каганом Ажо в столице покорённых уйгуров, — и я возьму гораздо меньше коней, чем ты ожидаешь, и ещё пообещаю, что ни один волос не упадёт с головы ни одного из твоих подданных...

— Зачем гнать коней в нашей беседе? — уклончиво ответил Еди-инал. — Ведь за табуном мыслей могут

не поспевать пастухи-слова. Для серьёзного разговора наступит утро, когда головы станут такими же ясными, как чистое утреннее небо.

И правда, от смешивания крепких напитков Буха основательно захмелел, поэтому сейчас запоздало думал, что утром его ждёт, скорее всего, жестокая головная боль, причём именно такая: будто табун лошадей скачет в голове.

«Пусть скачут, — подумал он умиротворённо и пьяно. — Пусть скачут во сне прямо в родные края, на серебряный Онон и золотой Керулен. А воины уже завтра начнут отбирать в кыргызских табунах всех белых коней, которые не боятся палящего солнца Хорасана. И будут выжигать на их шкурах чёрную тамгу-круг³⁶ Джучи, которая так легко превращается в тамгу самого Чингисхана...» — Прекрасно! Всё просто чудесно! — воскликнул нойон, поднимая в очередной раз золотую пиалу с арачаном за здоровье Джучи-хана.

Но неприятная, отрезвляющая мысль, словно бы сделав круг, вернулась — и он попытался вспомнить, сам Великий Чингисхан сказал это, Джучи-хан или ещё кто-то другой? «Никогда не унижай загнанного в угол народ, в глазах которого светится гордость...» Нет, совсем не напрасно мысль вновь и вновь посещала хмельную голову Бухи-нойона, ибо даже в потупленных глазах кыргызского хана он видел эту гордость, горевшую негасимым огнём...

Из всего окружения Бухи-нойона один лишь тысячник «красных волков» Егудэй не пил и был, похоже, в плохом настроении, хотя и пытался скрыть это. Зато посаженному рядом советнику Еди-инала, седобородому Кёнгиру, который был приведён по его приказу, Егудэй то и дело подливал в пиалу крепкую арзу. Для остальных моголов было непонятно, почему тысячник оказывает такую честь какому-то старику, но в дела грозного приближённого Чингисхана никто и никогда не вмешивался. Пусть у Бухи висит на шее золотая пайцца темника с львиной головой, а у Егудэя всего лишь золотая пайцца, которая в два раза легче по весу, — но любое слово тысячника «красных волков» является для всех окружающих и приказом, и законом!

.....
30. Натуральное плодовое или ягодное вино.

31. Алкогольный напиток на основе коровьего молока.

32. Очень крепкий алкогольный напиток из кумыса, который пьют горячим.

33. Семь урочищ (монг.), то же — Хакаско-Минусинская котловина.

34. Ископаемый бивень мамонта.

35. Защитный боевой панцирь из подвижно скреплённых пластин.

36. Тамга Чингисхана отличалась лишь дополнительной чертой внизу.

Старый Кёнгир поначалу отказывался пить, ссылаясь на возраст и слабое здоровье, но после нескольких настойчивых жестов Егудэя вынужден был пригубить чашу хмельного напитка. Правда, он схитрил: недопитую чашу поставил на ковёр и тут же, перекрыв нестройный гул голосов, предложил выпить за «бесстрашного воина Великого каана, славного Буху-нойона». Сказал — и вслед за всеми выпил остаток арзы. Потом, как старик ни отказывался, последовала вторая, третья чаша. . . Язык Кёнгира уже заплетался, но в прищуренных глазах его, как показалось тысячнику «красных волков», сквозила вполне трезвая усмешка. Хитрый Егудэй и не подозревал, что седой старик просто-напросто перехитрил его, как мальчишку: каждый раз он «выпивал» пустую чашу сидящего рядом тысячника Таргана, подставляя ему свою, полную до краёв. Не так уж и трудно среди общего пьяного веселья, среди тянущихся к лакомствам рук выждать момент и сделать подмену. Недаром Тарган опьянел раньше всех и в конце концов захрапел, опрокинувшись на спину. По знаку хотя и захмелевшего, но всё видящего и замечающего нойона спящего тут же унесли из шатра.

— Одна чаша арзы — мало, две — много, а три — снова недостаточно. . . — бормотал хитрый Кёнгир, пьяно расквашиваясь и прикрывая будто бы отяжелевшие веки.

Когда Егудэй решил, что старик достаточно пьян, он задал свой главный вопрос:

— Скажи мне, уважаемый аксакал³⁷, ведь ты всё знаешь и видишь? Что за караван гружёных лошадей ушел на рассвете из орды хана? Его видели многие. . . С чем он был и куда направлялся?

— Я сам не видел, — пьяно забормотал Кёнгир, — но говорят, что вёл караван большой и лохматый айна³⁸ со лбом словно дно казана, с глазами словно чёрные чашки, с лицом корявым, как старое суковатое дерево. . . Он восседал на белом хромом верблюде, а верблюд ревел и плевался на целую стаю ирликов³⁹. Сильно ругались ирлики, однако путь держали на восток, вместе с караваном. Наверно, далеко уже ушли, не догнать никому. . . Кроме твоих быстрых и смелых воинов, конечно. . .

Истошив свою фантазию, якобы пьяный Кёнгир ласково улыбнулся Егудэю и даже сделал вид, что хочет обнять его. Однако тысячник безразлично отстранился от невменяемого старика и поднялся — у него было ещё много важных дел. . .

На восходе солнца сотня «красных волков» всё же проверила «пьяную» болтовню Кёнгира. Следы большого каравана нашли сразу: трава была

37. Почтенный старик, буквально «седобородый» (от тюрк. «ак» — «белый» и «сакал» — «борода»).

38. Чёрт.

39. Подземные демоны.

вытоптана копытами тяжело гружённых коней. Выбитая множеством лошадей заметная тропа привела в конце концов на обрывистый берег Йенесаю. Дальше таинственный караван, судя по менее глубокому следу, двинулся заметно разгруженным, а потом следы стали расходиться в разные стороны, пока не исчезли совсем.

«Похоже, — рассуждал Егудэй, — вполне реальные люди, а не айна с ирликами, облегчили здесь тяжёлые ноши коней».

Он подошёл к кромке обрыва и стал всматриваться в прозрачную глубину. Глубоко в воде, на песчаном дне, заметно выделялись в косых лучах солнца кучки серых камней.

«Ну что ж, хитрый старик Кёнгир, ты ещё платишься за свой обман! — расвирипел тысячник. — На свою беду ты вздумал дурачить меня детскими сказками!..»

Когда прошла вспышка ярости, Егудэй уже не сомневался, что он на правильном пути и что непременно должен быть ещё один караван. И что сокровища явно увезены совсем в другом направлении. . .

Рассыпавшись на десятки, «красные волки» помчались по степи и в обе стороны вдоль берега Йенесаю: к устью Адарчына, и в сторону белевшего пятью снежными шапками Пургуса. Каждый след, каждая метка, каждый курган и менгир, каждая кучка камней привлекали самое пристальное их внимание. Тысячник Егудэй щедро пообещал, что тому, кто первым отыщет сокровища, отдать десятую часть всего найденного.

На другой день, не найдя ничего, всё больше и больше десятников поворачивали свои отряды назад, решив, что потайное место находится отнюдь не в степи, а, скорее всего, на противоположном берегу — в горной тайге. Когда же обнаружили на песчаных косах противоположного берега несколько выброшенных водой деревянных плотов, поиски полностью переключили на береговую полосу за Йенесаем. И множество могольских отрядов целенаправленно и азартно помчались по почти исчезнувшему следу каравана. Теперь всё зависело не только от их внимательности, но и от счастливого случая, который, как правило, прежде всегда оказывался на стороне «красных волков». . .

Небольшой каменистый лог, в который мог свернуть караван, приметил один из лучших следопытов — молодой, но не по годам проницательный и удачливый джагун Седар. Отыскать признаки прохождения каравана вообще было делом случая: это могла быть и сломанная ветка шиповника с горящими красным огнём, твёрдыми ещё ягодами, и рассыпавшийся под копытом трухлявый пенёк, а то и отпечаток, слабо напоминающий конское копыто, на раздавленном муравейнике. Чтобы случайно не затоптать возможные следы, Седар оставил спутников внизу лога, а сам, спешившись,

осторожно двинулся вверх по ручью. Он был уверен в себе и уверен в том, что первым сможет обнаружить засаду, если она оставлена. И какникак вероятная награда за находку полагалась лишь одному, а смелость и внезапность — вот главное преимущество «красных волков» над любым противником. И ещё скрытность... до поры до времени.

Вдоль совсем мелкого, местами журчащего глубоко в камнях ручейка за многие годы, а то и за столетия была протоптана звериная тропа. Следов лошади или человека на ней не было, зато несколько раз попадались коричневые свежие «бусины» помёта маленького мускусного оленя — кабарги. Выше, на далеко просматривающемся и не слишком густо поросшем деревьями склоне, с двух сторон ограниченном каменными гривами, были хорошо заметны отличающиеся по цвету проплешины — лёжки осторожных маралов и косуль. Следы лошадей могли быть где-то там, где был бы издалека замечен и он, Седар, — именно поэтому разведчик медленно, пригнувшись и стараясь не наступать на сухие ветки, пробирался вверх по сужающемуся логу. Продираться сквозь цепляющийся за одежду колючий кустарник, даже без колчана и садака⁴⁰, было тяжело, но что ещё больше раздражало его, так это натянутые над тропой длинные нити липкой паутины с висящими на ней жирными, неприятного вида пауками. Седар часто и брезгливо стряхивал их со своей одежды, а потом, чтобы смыть прилипшую паутину и едкий пот, ополаскивал лицо холодной водой из ручья. Шаг за шагом, раздвигая ветви цепкого шиповника и дурманно пахнущего багульника, он приближался к цели — к скальному хребту-перевалу, под которым надеялся обнаружить на подвижных осыпях след каравана...

Несмотря на тяжесть в не привыкших к хождению по горам ногам, мысли в голове Седара бродили самые приятные: «Ах, Аюшин, Аюшин! Скоро я стану сказочно богат, и уж тогда-то ты наконец станешь моей женой, Аюшин! Твой отец Егудэй, который меня ценит и ставит выше других, не случайно выбрал из многих в этот поход. Я вручу ему все сокровища кыргызов, и, без сожаления, мою долю тоже, — я отдал бы все сокровища мира за мою красавицу Аюшин! Ну чем я не пара для дочери тысячника «красных волков»: один из лучших джагунов и один из лучших охотников на родных степных просторах? Твой отец, Аюшин, как мне кажется, понимает это! Кто ещё, кроме меня, твоего отца и самого Чингисхана, достигал своими стрелами столько быстрых антилоп-джейранов, резвых куланов и яростных вепрей-кабанов во время облав? Многие из кешиктенов каана завидовали мне...»

Седар снова ополоснул разгорячённое ходьбой и мечтами лицо. Краем глаза заметил взбирающуюся

по стволу белку и непроизвольно потянулся за луком, но потом вспомнил, что оставил его внизу, чтобы легче было продираться через заросли. Да и шкурка у зверька была ещё летней, не имела ценности — просто захотелось проверить свою меткость. «Наверное, и здесь, — подумал Седар, — среди деревьев и скал, я мог бы стать великим охотником. Просто так уж заведено, что моголы не охотятся в тайге, не добывают соболя, белку и горностая. Зачем, если все эти превосходные меха в огромном количестве привозят данники-кыштымы? Так же, как привезли для моей шапки шкуру почти не встречающегося в степи горно-таёжного красного волка...»

Где-то тихо хрустнула ветка, и мысли его мгновенно вернулись к действительности. Седар замер, пытаясь определить, откуда донёсся звук. Это мог быть поднятый им невидимый зверь, или просто упал на землю отсохший и потерявший от времени связь со стволом дерева сук, или даже треснул под жаркими лучами солнца камень...

Простояв в насторожённой позе довольно долго, он решил, что тревога ложная — и двинулся дальше. Вдруг ветка хрустнула позади его и уже совсем близко. «Красный волк» молниеносно развернулся — и ledenый душ страх сковал его сердце. Нет, это был не просто страх, который доводилось не раз за свою жизнь познать воину, — это был впервые испытываемый, поэтому пленивший разум и тело ужас: огромный бурый медведь, нависая над ним, стоял на задних лапах всего в двух шагах. Маленькие злые глазки зверя завораживали, внушали мысль о бессилии человека и безысходности, открытая пасть с обнажёнными жёлтыми клыками смердела прямо в лицо...

Медведь, махнув огромной лапой, сбил Седара с ног, и на его длинных когтях ещё не ощутивший боли джагун увидел лоскут окровавленной кожи со своими волосами. В последний миг сознания на его грудь навалилась нестерпимо тяжёлая туша, сдавившая грудную клетку и остановившая дыхание...

Когда Седар очнулся, то с удивление осознал, что всё ещё жив. Медведь, едва не снявший с его головы скальп, лежал рядом на боку, и последние конвульсии ещё сотрясали лохматую исполинскую тушу. Джагун нашёл в себе силы откатиться от умирающего, скребущего землю когтями зверя — и с трудом приподнялся на локтях. С изумлением увидел костяную рукоять охотничьего ножа в ухе медведя и толчками вытекающую из его пасти тёмно-красную, почти чёрную кровь. Осознав невероятность происходящего, раненый джагун снова потерял сознание...

Очнулся он оттого, что почувствовал успокаивающую боль прохлады на голове и лице: кто-то пучком смоченных в воде листьев мягко

40. Налучие, футляр для лука (тюрк.).

и осторожно обтирал его рану. Седар быстро приходил в себя, ибо сознание он потерял не от раны, а, скорее всего, от нервного потрясения. Сама рана оказалась не такой уж и страшной: сорванный медведем кусок кожи с головы—это отнюдь не сабельный удар, глубоко рассекающий не только кожу, но и череп человека. Теперь он ощущал только сильное жжение на виске, а открыв глаза, увидел светлокжее лицо склонившегося над ним молодого рыжеволосого и голубоглазого воина. Тот был без доспехов и не могол—а, похоже, динлин?

Улыбаясь во весь свой белозубый рот, динлин легконо похлопал Седара по груди и заговорил:— Вставай, «красный волк»! Чуть совсем не пропал... Ты же степняк, откуда тебе знать, что в горной тайге аба часто ходит сзади, по следам человека? Охотник ищет абу и не знает, что тот уже давно следит за ним. Аба боится охотника, но он хитёр и может долго ждать подходящий момент. Сегодня тебе очень повезло, «красный волк», что я случайно оказался рядом...

Динлин нагнулся к уже затихшему медведю и, взявшись за жёлтую берестяную рукоять, резким движением выдернул из его уха нож. Красной струйкой брызнула кровь, заливая оскаленную морду зверя.

Обтирая о траву узкую окровавленную сталь, юноша искоса поглядывал на раненого, о чём-то раздумывая, а потом устремил на Седара пристальный испытующий взгляд и спросил:

— На какого зверя охотился «красный волк» в нашей тайге? Быструю козу или осторожного оленя выслеживал он? Тогда зачем свой лук и колчан со стрелами оставил внизу? Я видел, как там беспечно дремлют на солнышке два твоих спутника—тоже «красных волка»... Ведь не за ягодами казыргана⁴¹ и не за грибами полез он по таёжному логу? Для воина в красной волчьей шапке это не добыча...

Седар не нашёл что ответить, а динлин, вложив оружие в кожаные ножны на пояс, ещё раз испытующе поглядел на него, потом опустился на корточки подле лежащего джагуна и, глядя в глаза, медленно проговорил:

— Не ищи ответа, «красный волк». Вот твоя красная шапка, я помогу тебе подняться, а идти вниз по логу, я думаю, у тебя хватит сил. Я видел, как ты разглядывал следы лошадиных копыт в траве

перед логом... Думаю, ты убедился, что они несвежие—должно быть, бродили много-много дней тому назад чьи-то отбившиеся от табуна кони. Наверно, аба спугнул их, и кони разбежались... Кроме коварного абы, ничего интересного не увидел ты в этом таёжном логу. Я же не хочу встречаться с твоими спутниками не потому, что боюсь их, а потому, что они будут задавать много вопросов. Скажи им, что это ты убил напавшего абу...

К Седару действительно возвращались силы, и он, подавляя прилив боли, поморщился—и сел. Однако от резкого усилия на миг помутилось в глазах, и он снова словно наяву увидел свою Аюшин. Будто бы возлюбленная нежно гладила его по щеке, ласкала рукой его волосы, шептала ласковые слова. Через мгновение её улыбка растворилась в зелёной листве окружающих деревьев, но и этого короткого мига Седару хватило, чтобы ясно осознать: нет для него ничего в мире дороже Аюшин. Богатство так же быстро уходит, как и приходит, лишь любовь способна быть верной всю жизнь. Старый Егудэй уже забыл, что такое любовь, поэтому верит только богатству, и Великий Чингисхан тоже забыл, недаром преданный ему, как собака, Егудэй разыскивает этот караван с сокровищами. А он, Седар, ради презренного богатства сегодня мог лишиться не только жизни—он мог лишиться своей Аюшин. Той, что дороже всех богатств мира и даже самого Вечного Синего Неба, а не то что кыргызских сокровищ. Пусть простят Седара и «красные волки», и богиня земли Этуген, и дух огня Ут, но он должен отблагодарить юношу, вернувшего его сегодня к жизни...

И с языка Седара сорвались слова, родившиеся даже не в голове, а где-то в самом сердце:— Ты сегодня стал моим андой⁴², и я рад этому, батыр! Ты вернул мне мою Аюшин, ты подарил жизнь нам обоим, ведь для неё моя жизнь—тоже самое дорогое на земле. Я и она будем это помнить всегда!

На глазах джагуна навернулись невольные слёзы, но он продолжил:

— Ты настоящий воин, хотя я и не вижу на твоих руках и лице тагуировок, и ты, как я вижу, приходишь из племени динлинов. Я признателен, что ты не воспользовался удобным случаем избавиться от меня! Я воин и поэтому твёрдо говорю, что за мной остаётся долг, который ты можешь потребовать тогда, когда тебе это будет нужно.

— Не надо дразнить небо клятвами, «красный волк»!—ответил динлин, и в глазах его, как показалось Седару, промелькнула усмешка.

— Клянусь в этом всеми духами земли и хозяином голубого неба Вечным Тэнгри!..—заверил Седар.— Как зовут тебя, анда, мой новый друг и брат?—спросил заметно растроганный этими словами динлин, помогая раненому подняться на ноги.— Скажи, а то мне уже пора уходить!

41. Чёрная кислица, растущие на скалах ягодные кусты с плодами, напоминающими по форме и вкусу красную смородину, но чёрного цвета.

42. Побратимом. Обычай побратимства, унаследованный монголами от далёких предков, с 12-го века стал почти анахронизмом. После обмена стрелами и произнесения клятвы верности подразумевались крепкая дружба и постоянная взаимовыручка.

И по обычаю побратимов он протянул Седару выгашенную из колчана боевую стрелу. Потом прижался своей белой щекой к смуглой щеке могольского воина и добавил:

— У тебя, возможно, будет повод отдать мне по обычаю твою стрелу, и я надеюсь, что она не будет послана из лука...

— Я чту обычаи. И моё имя Седар, я джагун из тысячи Егудэя. Теперь и ты, воин хана Еди-инала, назови своё имя.

— Я Зангир, младший сын охотника Оспаара. Мы всю жизнь охотимся на этих горах, которые считаю своим домом, поэтому ты правильно подметил, что я не воин-нухур⁴³.

Они обнялись, и каждый зашагал в свою сторону: Зангир — пружинисто и легко, Седар — медленно и осторожно. Через несколько шагов динлин обернулся и повторил:

— След лошадей уже старый, анда. И запомни: это ты убил абу!

Егудэй нетерпеливо ожидал донесений от разведчиков, отправленных на поиски второго каравана. А что караванов было именно два, он уже нисколько не сомневался: один — ложный, второй — настоящий, с сокровищами. Тысячник даже с некоторым уважением стал думать о кыргызах: они настоящие противники и далеко не так просты, как пытаются показать и убедить.

«Ну что ж, он верит в своих следопытов, которых не собьёт с верного пути никакая хитрость. Тем более что кое-что уже удалось выведать, а именно то, что у Еди-инала была секретная встреча с местным опытным охотником Оспааром, который вскоре пропал со всеми своими сыновьями: Тюнисом, Пачаракком, Пулатом, Пычоном, Этчи и Ханьном... Кажется, был у него и ещё один, седьмой? Ах да, младший, Зангир, — вспомнил Егудэй. — Скорее всего, это они и увели караван. Но куда? Охотники хорошо знают тайгу, а коней явно было больше, чем требовалось... Значит, не слишком тяжело гружённый караван способен уйти далеко по залесённым скалистым горам и крутым руслам ручьёв. Но следы непременно надо искать именно здесь, на границе степи и гор! И напрасно правитель кыргызов Еди-инал вводит в заблуждение, что Оспаар с семьёю сыновьями ушли через горные хребты в земли Кешдим за скотом и вернутся оттуда только зимой, уже по льду замёрзшего Йенесая... Что ж, пусть считает, что я ему поверил! Но следопытам уже удалось обнаружить подозрительный лог, вначале довольно полого уводящий вверх, — тот самый, в котором медведь едва не задрал джагуна Седара, серьёзно поранив ему голову. Джагун, конечно, настоящий воин и даже справился с медведем, но после такого ранения он мог и ошибиться. Седар утверждает, что это были просто отбившиеся лошади, которые

выше разбежались, напуганные медведем... Может, оно и так, но «красные волки» приучены проверять даже самих себя!...»

Егудэй ждал каких-нибудь новых известий, чтобы начать действовать. Однако он привык никогда не сидеть без дела, поэтому велел пригласить в походную юрту забавного и болтливого старика Кёнгира. Именно пригласить, а не привести — чтобы тот не замкнулся и не перестал потчевать своими сказками-легендами, в которых неизвестно чего было больше: вымысла или скрытой правды...

Через какое-то время приглашённый старик Кёнгир с удовольствием пил чай и охотно болтал, незаметно для себя делясь с тысячником полезными сведениями. Так, старик утверждал, например, что в горной тайге встречается поистине волшебная трава, которую китайцы называют «лин-цзы-цао». Эту траву умеют находить только олени-маралы, и от неё их рога набирают невероятно целебную силу, а сами олени живут более ста лет. Старые охотники, подсматривая за пасущимися маралами, узнали когда-то про траву «лин-цзы-цао» — и тоже жили долго. Но трава встречается крайне редко — её хватало только маралам да ещё самым умелым из охотников. Поэтому хитрые не открывали тайну остальным и в конце концов унесли свои знания в могилу. И теперь волшебную траву снова знают одни лишь маралы...

— Очень жалко, совсем для людей обидно! — сокрушался старик, прихлёбывая чай и хитро поглядывая на Егудэя. — Старики говорят, только Хозяину Гор — чёрному маралу — дозволено снова открыть тайну травы, дающей здоровье и долголетие...

Егудэй не перебивал словоохотливого старика, согласно кивая головой, а сам бережно откладывал нужную информацию в потайной уголок своей памяти. Вдруг и на самом деле существует такая трава, которая способна дать каану Чингисхану здоровье и долголетие?..

Он хотел расспросить о траве поподробнее, но в этот момент полог юрты приподнялся, и внутрь заглянул воин-охранник, стоявший у входа. Он коротко доложил:

— Дозор с Йенесая только что привёз схваченного кыргызского парня.

Воин сказал хорошую новость: его «красные волки» хорошо знают своё дело и умеют неукоснительно исполнять приказания. Он тут же взмахом руки отправил прочь разговорившегося Кёнгира...

Когда Зангир услышал посвист брошенного аркана, уже было поздно что-либо предпринимать: волосяная петля плотно прижала его руки к телу и мгновенно затянулась так туго, что трудно стало

43. Дружинник, профессиональный воин.

дышать. Последовал рывок—и он, словно мешок, повалился на землю. Ведь не то что человек, а и редкий конь устоит на ногах после сильно рывка бросавшего, с самого детства привыкшего без-ошибочно метать прочную волосаную петлю на любую цель. Тут же навалились на Зангира два неизвестно откуда появившиеся воина-могола и накрепко спеленали его верёвкой по всему телу. Потом привязали поперёк седла запасной лошади и повезли, словно тушу добытого оленя, из родных гор в столь негостеприимную сейчас равнину. В небольшой лодке переправили через Йенесай и опять долго везли по горячей полуденной степи—а потом внесли в большую юрту...

Егудэй, держа в руке пиалу с чаем, с нескрываемым интересом разглядывал юношу, которого двое «красных волков» держали на весу. Высок, хорошо сложен, рыжеволос и голубоглаз—как все здешние динлины... И, несмотря на то что крепко связан и беспомощен, словно ребёнок, открыто и смело смотрит в глаза.

Подумав, Егудэй щёлкнул пальцами и отдал воинам приказ:

— Снимите с пленника аркан, а то он мешает свободной и, я надеюсь, приятной беседе двух мужчин.

Потом тысячник даже пригласил пленника сесть подле себя.

— Я догадываюсь, что ты один из сыновей лучшего охотника здешних гор Оспаара,—заговорил Егудэй, пристально глядя на юношу.—Именно такими описали мне ваш род подтаёжных динлинов. А ещё я знаю, что Оспаар с твоими братьями не ушли в далёкие земли Кешдим за скотом,—Егудэй выдержал паузу и продолжил:—Он сейчас неподалёку, потому что Еди-инал поручил ему хорошенько спрятать казну кыргызов. Так что именно они увели в горы секретный караван. Как видишь, я откровенен с тобой, сын Оспаара, и даже рассказал тебе всё, что знаю!

Егудэй наполнил пиалу до краёв чаем и самолично поднёс пленнику.

— Угощайся, оол!⁴⁴ А теперь честно скажу, чего я пока не знаю. Я не знаю, где вами спрятана казна, и даже сам правитель Еди-инал, оказывается, этого тоже не знает. Кроме тебя, сын Оспаара, здесь этого не знает никто... И всё было бы правильно, за исключением того, что и я тоже должен знать, и мои «красные волки» тоже должны знать... И они непременно узнают, потому что так приказал сын Вечного Синего Неба—наш каан Чингисхан.

Юноша молчал, лишь пристально смотрел на говорившего Егудэя. А тот продолжал:

— Скажи, оол, ты хотел бы получить десятую часть тех сокровищ? Подумай хорошо: ты будешь очень богат, у тебя будет белая юрта, расшитая золотым

узором, у тебя будут самые красивые жёны, у тебя будут косяки лучших коней, огромные отары овец... У тебя будет всё, что ты можешь только пожелать, оол!

Егудэй бросил испытующий взгляд на пленника и отметил, что лицо того стало хмурым, а в глазах вспыхнула ненависть. Та же ненависть прозвучала и в его резких, непочтительных словах:

— Да, ты много знаешь, начальник «красных волков»! Но ты никогда не узнаешь, где спрятаны сокровища моего народа! Ты предлагаешь стать подлым предателем сыну Оспаара Зангиру? Видишь, я тоже не скрываюсь и даже назвал тебе своё имя! И я, Зангир, за свою жизнь не заплачу такую цену, как измена! Мне совсем не нужны белая юрта, табуны и отары—я счастлив тем, что у меня есть...

Лицо Егудэя перекосила гримаса бешенства, взгляд стал привычно жёстким—но он с явным усилием сдержался и продолжил почти спокойным тоном:

— Скажу честно, я и не ожидал от тебя других слов, Зангир-оол. Я ценю твоё бесстрашие, однако такие слова не нужны ни мне, ни моему каану! Небо сделало его Потрясателем Вселенной, и даже самое маленькое желание каана Чингисхана повсюду должно исполняться беспрекословно. Недаром все свои приказы он начинает со слов: «По воле Вечного Голубого Неба...» И горе тому, кто посмеет здесь возразить ему,—тогда со слезами и кровью смешается утренняя роса в кыргызской степи! Подумай ещё раз, оол, очень хорошо подумай! А может, цена показалась тебе слишком малой? Может, тебе нужна не десятая часть, а четвёртая или даже половина? Назови же свою цену, Зангир-оол!

— Нет такой цены, чтобы купить мою честь, начальник «красных волков»! И никто не заставит меня предать, ибо, как у нас говорят, лучше поломать свои кости, чем свою честь! Прикажи своим нукерам снова связать меня, а ещё лучше—сразу убить! Наш народ говорит, что лучше сразу рухнуть скалой, чем века сыпаться песком.

Егудэй вдруг резко встал и рассмеялся прямо в лицо пленнику, а потом проговорил с усмешкой:— Мне жаль тебя, Зангир-оол, мне просто жаль твою молодость. В тебе много смелости, но мало мудрости! Обещаю тебе, что не позднее чем завтра ты расскажешь, где отец с братьями спрятали сокровища. И не только расскажешь, но и сам приведёшь туда меня и моих воинов!

Заметив, как Зангир напрягся, Егудэй с той же усмешкой в глазах успокоил:

— Нет, пытать мы тебя не будем, Зангир-оол, не бойся! У меня есть более надёжные способы связать даже самый молчаливый язык...

И, словно потеряв всяческий интерес к разговору, Егудэй щёлкнул пальцами. Тотчас приоткрылся

44. Уважительное обращение, сродни современному «уважаемый», которое в Туве сохранилось до сих пор.

полог, в юрту бесшумно проскользнули два воина-охранника и, подхватив крепко под руки, вывели пленника из юрты...

Рано на рассвете, когда солнце ещё не взошло и степь дышит остатками ночной свежести, самое время начинать всё задуманное. Именно в этот час, когда только начинает желтеть остывший за ночь воздух, тысячник Егудэй вошёл в небольшую чёрную юрту, всегда стоящую в стороне от других и охраняемую тремя «красными волками». Ни один человек, даже по собственной воле, не пожелал бы оказаться внутри её—ибо здесь содержали пленников и преступников, ожидающих своей участи.

Следом за Егудэем в юрту вошёл, скорее даже—прошмыгнув, маленький юркий китаец Фао-Шен. Судя по тому, что один из воинов практически заступил китайцу дорогу и тому пришлось протискиваться в узкую щель, «красные волки» его недолюбливали. Может быть, поэтому Фао-Шен всячески заискивал перед их тысячником: подобострастно улыбался, часто кланялся и суетился, стараясь предугадать малейшее желание...

Приглядевшись в сумраке юрты, Егудэй неспешно подошёл к лежащему на обрывке старой кошмы, крепко связанному, как и накануне, волосяным арканом пленнику.

— Просыпайся, Зангир-оол! Я хочу тебя познакомиться со своим преданным слугой Фао-Шеном. Он давно служит мне и Великому Чингисхану, поэтому, хотя он и не мог, я собираюсь вскоре надеть на его умную голову лохматую шапку «красного волка».

Услышав эти слова, китаец часто закивал головой и несколько раз угодливо поклонился Егудэю едва ли не до самой земли.

— Э-кей!—вдруг произнёс Егудэй с показным возмущением, будто только сейчас заметил спеленавшие пленника путы.—Я вижу, Зангир-оол, что плохо тебя, гостя, принимают мои воины: нет пустых чашек из-под жирного мяса, нет чайных пиал. Может, ты голоден или хочешь пить? Фао-Шен, скорее принеси нашему гостю родниковой воды, что набрана в мои серебряные кувшины из целительного ключа! Полный кувшин этой воды утолит твою жажду, оол!

Китаец мигом выскочил наружу, а Егудэй, пригладив ладонью седые волосы, неторопливо продолжил:

— Уже скоро взойдёт солнце, и мы, как я вчера и обещал, отправимся в горы, где ты покажешь спрятанные твоим отцом сокровища. Ваш правитель Еди-инал будет, конечно, сильно огорчён, но мне и Сотрясателю Вселенной Чингисхану интересно посмотреть, что вы так долго и старательно прячете от нас. Очень, очень интересно...

Снаружи послышались быстрые шаги, и охранники пропустили вернувшегося с небольшим

серебряным кувшином китаец. Тот опустился на колени рядом с пленником и поднёс к губам Зангира горлышко кувшина. Егудэй же с пристальным вниманием наблюдал, как запёкшимися губами Зангир жадно ловил прохладную влагу.

Напоив пленника, подобострастный китаец даже обтёр рукавом своего халата его губы и шею. Потом, после каждой фразы кланяясь Егудэю, заверил:

— Всё будет прекрасно, начальник «красных волков»! Фао-Шен не напрасно учился десять лет! Даосские монахи учили меня всем их секретам. Они, как ты знаешь, уже давно и с неизменным успехом используют это снадобье!

Егудэй тем временем с непонятной усмешкой наблюдал за молчащим, напряжённо думающим о чём-то своём Зангиром.

— Уже совсем скоро взойдёт солнце, оол, но у тебя ещё есть немного времени отдохнуть и набраться сил. Как видишь, никто не пытал тебя; более того, нам вскоре предстоит приятная прогулка в твою любимую тайгу. Вернее, в гости к твоему отцу Оспаару и твоим братьям. Так что готовься к радостной встрече, оол!

Когда Егудэй с Фао-Шеном вышли из чёрной юрты, прятавшееся за горизонтом солнце уже золотило редкие облака на востоке—грядущий день обещал быть ясным и знойным...

Накануне Седар уже знал, что разведчиками схвачен его новый анда. То ли боль от заживающей раны на голове, часто напоминающая о себе, то ли беспокойство за судьбу Зангира долго не давали ему заснуть. Ведь два анды—это как одна душа! И ему было о чём подумать в эти бессонные часы... Сотня Седара заступала на охрану ставки Бухинойна рано утром, а это означало, что он без особого труда сможет увидеть Зангира и даже, возможно, переговорить с ним. Только вот что он сможет сделать для своего анды, которому, по всей видимости, угрожает большая опасность? Вероятно, даже смертельная опасность...

Заснул Седар лишь далеко за полночь, и увиделась ему во сне опять Аюшин... Весенняя степь звенела жаворонками, белая кобыла Аюшин дремала, положив голову на круп коня Седара, а они сидели на сёдлах в тени одинокого дерева. Аюшин что-то ласково говорила, а он всё пытался вникнуть в смысл её слов—но слышал только громкий стук своего сердца, которое стонало и словно бы всё больше каменело от предчувствия неминуемой беды. Так что голоса любимой он так и не услышал, но прочитал сказанное ею по губам: «Скажи, Седар, и я пойду против воли отца, я помчусь за тобой на самый край земли, где никто и никогда нас не найдёт. А если вражеская стрела вдруг оборвёт нить твоей жизни, я уйду в подземный мир вслед за тобой, ведь у меня есть

острый нож, который ты подарил...» И душа его, сразу же поверив в эти слова, вдруг взмыла над весенней степью и запела песню любви громче всех жаворонков, заглупая даже боль сердца...

Ранним утром, расставив караулы, Седар сразу же направился к зловещей чёрной юрте. Перед входом копьё двух охранников скрестились перед грудью джагуна, копьё же третьего нацелилось ему прямо в сердце. Прозвучало грозное: «Ха!» Таких действий требовал устав караульной службы, не смотря на то что воины были из его сотни и знали своего джагуна в лицо.

Седар молча отстегнул от пояса кривую саблю в зелёных кожаных ножнах и положил её на землю у входа. Рядом положил свой лук и начал снимать колчан, но старший караула жестом остановил его: не надо, мол, достаточно. Наконечники копий звякнули друг о друга, и охранники отставили их в стороны — путь в чёрную юрту был свободен.

Откинув полог, он шагнул внутрь и увидел на кошме посреди юрты связанного Зангира. Сразу отметил отсутствие следов пытки: похоже, того даже не били. Неизвестно только, хорошо это или плохо.

Присев возле лежавшего в неудобной позе пленника, спросил тихо, чтобы не услышали охранники снаружи:

— Как чувствуешь себя, анда Зангир? Здоров ли ты? Может, тебя пытали?

— Я здоров, анда Седар! И меня удивляет, что никто ни разу меня даже не ударил... Страшный Егудэй приходил в юрту и говорил с усмешкой, что пытать меня не станут. Именно поэтому я очень боюсь его — боюсь его ласковых лживых слов. Ведь он пообещал, что «красные волки» просто повезут меня в горы на прогулку. Он ведь что-то замыслил, анда? Может, ты знаешь, что?

— Да, анда, его нужно бояться! Тысячник Егудэй — это самый хитрый лис в окружении каана, и он никого и никогда не посвящает в свои планы. — Знай, что я всё равно ничего не скажу, — завещал Зангир. — От меня он никогда не узнает, где спрятано то, что он так старательно ищет. Даже если прикажет отрубить мне голову! Я несколько не боюсь смерти, анда!

Седар нахмурился, оглянулся на вход и, склонившись почти к самому уху Зангира, сказал:

— Всё очень, очень плохо, анда. Егудэй никогда слов на ветер не бросает, и если он сказал про прогулку в горы — то она обязательно состоится. Отрубить голову или подвергнуть пыткам он мог бы и здесь, для этого не нужно куда-то ехать... Это значит, он задумал что-то неожиданное для тебя! Скажи, а он приходил сюда один?

— Нет, с ним был маленький китаец...

При этих словах Седар даже отпрянул.

— Маленький китаец Фао-Шен?

— Да, Егудэй называл его, кажется, Фао-Шеном. На словах они были дружелюбны, даже чересчур. Я хотел пить, и Егудэй приказал китайцу принести серебряный кувшин из его юрты. Очень вкусная вода, от которой мне сразу стало очень легко и даже хорошо...

— О, сюзюк⁴⁵ Фао-Шен — это страшный и очень подлый человек, его побаиваются все, даже «красные волки!» — почти воскликнул Седар. — Говорят, что он умеет составлять страшные яды, а то готовит такие снадобья, когда принимаешь человека за кого-то другого: за своего отца, за жену или даже за дикого зверя. Кажется, я догадываюсь, что он задумал... Скажи мне, анда, что ты чувствуешь сейчас? — У меня немного кружится голова, но это, наверное, от голода, ведь я уже второй день ничего не ел.

Седар поправил повязку на своей голове, поморщившись при этом от боли, потом неслышно, словно кошка, прокрался к пологу юрты и чутко прислушался. Снаружи охранники вполголоса переговаривались, посмеиваясь при этом:

— Женщина — как огонь, её нельзя оставлять без присмотра: либо потухнет, либо спалит всё вокруг...

Похоже, они подшучивали над одним из воинов. Постояв, Седар так же бесшумно вернулся к Зангиру.

— Слушай меня внимательно, анда, и постарайся запомнить каждое слово. Егудэй никогда бы не привёл Фао-Шена к пленнику просто так. И неспроста «вкусную» воду в кувшине принёс именно лекарь. У тебя сейчас немного кружится голова, но тебе очень легко, полностью исчез страх?..

— Да, всё именно так, как ты говоришь.

— Я подозреваю, что в кувшин лекарь добавил свою «синюю воду». Однажды я случайно видел, как она действует на человека! Скоро тебе станет совсем легко, даже приятно, и ты позабудешь, что сейчас пленник и связан...

Зангир неожиданно улыбнулся в ответ и заговорил, глядя затуманенным взором куда-то внутрь юрты:

— Ты ведь знаешь, анда, что я не боюсь смерти. И если меня задумали отравить каким-то ядом, то это даже лучше, чем воины изрубят меня своими саблями. Я ведь прямо сказал страшному Егудею, что никогда не открою ему нашей тайны и умру с радостью, зная, что она навсегда уйдёт вместе со мной в могилу. Знаешь, мне становится так хорошо, и я уже чувствую, как жизнь прощается со мной, собираясь уходить из моего тела... Но я навсегда останусь в памяти моего народа... И, может быть, потом хайджи под сладкоголосые струны чатхана расскажут потомкам легенду о неустрашимом Зангире, сыне охотника Оспаара...

— Нет, анда, ты не знаешь главного и самого страшного. Постарайся запомнить: «синяя вода» Фао-Шена не убивает тело, она лишь затуманивает

сознание и глаза! Поэтому не верь тому, что вскоре увидишь и услышишь! Зелье даосских монахов делает человека совсем безвольным и развязывает его язык, так что ты даже не вспомнишь о долге и о чести! Вместо этого ты станешь наивным, как ребёнок...

От этих слов Зангир встрепетул, и взгляд его снова стал осмысленным. Он даже попытался сесть, что удалось сделать лишь с помощью Седара. — Разве такое возможно и это не сказка?! Ты говоришь мне правду, анда?

Седар горестно кивнул.

— Да, это правда, и очень страшная правда. И я сейчас не знаю, чем тебе помочь. Всю ночь, анда, я думал о тебе, и это были нелёгкие думы! Ты подарил мне жизнь, сохранил мою любовь — и моё сердце говорит, что я должен отплатить тебе тем же. Но я так и не придумал, как спасти тебя! Что толку, если я отдам тебе своего лучшего скакуна, которого сможет догнать разве что стрела из тугого лука?.. Всё равно тебе не уйти далеко от «красных волков». Я не смогу спасти тебя даже ценой собственной жизни!

Седар в отчаянье обхватил руками свою забинтованную голову и при этом даже не ощутил боли. — Как скоро начинает действовать эта «синяя вода»? — спросил Зангир и тут же сам ответил на вопрос: — Хотя я мог бы тебя и не спрашивать... Она ведь уже начала действовать! Я вижу то тебя в этой юрте, то цветущую степь вокруг и ощущаю себя то связанным пленником, то маленьким мальчиком, играющим с братьями... Я чувствую, что утрачиваю волю, Седар! Это значит, что коварный Егудэй сумел перехитрить меня...

— И я, джагун «красных волков», впервые не знаю, что мне делать! — произнёс Седар срывающимся голосом. — Но я должен что-то предпринять для спасения твоей чести, ибо знаю, что честь для тебя сейчас дороже жизни.

— Скоро сюда придёт Егудэй... Чтобы увезти меня в горы... Чтобы взять на прогулку... — словно в забытьи, зашептал отрывисто Зангир. — С ним будет страшный маленький человек... Этот китаец! И я уже знаю, анда, что им легко будет выпытать у меня тайну... Потому что я не могу властвовать над своими мыслями, над своим языком... Убей меня, анда, пока не поздно!

Джагун хотел что-то возразить, но Зангир, собрав остатки воли, решительно перебил его: — Наверное, осталось совсем мало времени, анда? Я вижу, что ты без лука и без сабли, но с тобой колчан, в котором стрелы... Ты ведь обещал отдать своему анде одну из них согласно древнему обычаю? Отдай ту, что с чёрным опереньем и белым костяным наконечником... Я ведь не ошибаюсь, она есть среди других, анда?

По лицу Седара пробежала судорога боли, но эта боль была не от раны. Он попытался возразить:

— Я давал слово когда-нибудь спасти твою жизнь, как ты спас мою, а не отнимать её!

— Ты, анда, теперь только так можешь вернуть мне долг — отдать стрелу. Взамен жизни подари мне смерть, которая, поверь, для меня сейчас дороже жизни! Знай, что я с радостью и благодарностью приму её от тебя!

Седар и сам понимал, что это единственный выход, поэтому молча снял с плеча колчан и достал из него стрелу с чёрным оперением. По лицу джагуна ничего нельзя было прочесть, но на глазах его навернулись слёзы отчаянья.

— Ты настоящий воин, анда Зангир! — с усилием проговорил Седар, вытерев рукавом глаза. — И я горжусь нашей дружбой. Знай, что смерть от этой стрелы наступит почти мгновенно, потому что в наконечнике смешаны два самых сильных яда наших степей: от гюрзы и от эфы.

— Я виноват перед тобой, анда Седар! — воскликнул Зангир, и из глаз его тоже хлынули слёзы. — Там, возле мёртвого абы, я не до конца поверил в твою искренность и твою клятву.

— Главное, что ты веришь мне сейчас, анда, — ответил Седар, по щекам которого снова покатались слёзы.

А Зангир устремил взгляд на полный наконечник стрелы и решительно проговорил:

— Сделай это без колебаний, анда! Но я не хочу, чтобы гнев Егудэя пал на тебя. Нанеси два укола рядом на моей груди — чтобы их можно было принять за укусы настоящей змеи... Прощай, мой анда Седар!

Через несколько мгновений джагун резко вышел из чёрной юрты. Подобрал оружие, он быстрыми шагами направился в степь, освещённую уже оторвавшимся от горизонта кроваво-красным утренним солнцем...

Когда Егудэй вошел в чёрную юрту и увидел пленника мёртвым, то первой его мыслью было обвинить Фао-Шена. Но приведённый воинами китаец вскоре снял с себя обвинения, указав на две красные ранки на груди Зангира. Он же и определил, что нанесены они не зубами змеи, а остриём стрелы, и что смерть пленника, несомненно, наступила от сильного яда.

Допрошенные охранники утверждали, что в чёрную юрту входил только джагун Седар. Без сабли и лука... но с полным колчаном стрел. Значит, умертвить пленника мог только он. Но что общего между джагуном «красных волков» и сыном охотника-динлина — это предстояло выяснить.

По приказу Егудэя Седара срочно привели на допрос в ту же чёрную юрту. Под вопрошающим взглядом тысячника джагун не опустил глаз и не стал отрицать свою причастность к смерти Зангира.

— Несколько дней тому назад я дал слово выполнить любую его просьбу, — сказал Седар. — Сегодня он попросил у меня смерть...

Этого Егудэй никак не мог понять. Джагун не отрицал своего преступления, хотя и знал, чем ему это грозит, — он будто бы тоже искал для себя смерти...

— Ты для меня был как сын, Седар, — с сожалением проговорил Егудэй. — Я собирался отдать тебе в жёны мою младшую дочь Аюшин, потому что знал о ваших тайных встречах.

— Я люблю Аюшин и хочу, чтобы она была счастлива. Я готов отдать за неё всё, что у меня есть, даже жизнь... Но я не мог нарушить данную мной клятву! Смерть легче пёрышка, долг тяжелее горы...

— Я собирался сделать тебя своим преемником, тысячником «красных волков»! — продолжал, будто не слыша, Егудэй. — Но ты нарушил приказ и после этого не можешь носить красную шапку «волка»...

— У меня не было выбора — я дал слово! — повторил Седар. — Дал слово анде...

— Зато у меня есть выбор, — жёстко проговорил Егудэй, чувствуя, как внутри его закипает ярость. — Либо казнить всю твою сотню, как это сделал бы каан Чингисхан, либо позволить твоим воинам казнить своего джагуна. Что бы выбрал ты на моём месте?

— Зангир был моим андой... — словно не расслышав последние слова, повторил Седар. — Тысячник давно забыл, что это такое, но даже сам Великий Чингисхан чтит этот закон братства. Когда он был ещё просто Тэмучином, то обменялся наконецниками стрел с Джамухой. А отец его Есугай был андой Он-хана, христианина...

— Не упоминай имени нашего каана! Ты просто подлый предатель, — закричал в бешенстве Егудэй.

Тут же, в припадке ярости, он отдал приказ казнить виновного незамедлительно и сорвал с шеи Седара серебряную пайцзу джагуна, на которой было начертано: «По воле великого Бога и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя Хана, и да помрут и исчезнут все ослушники».

«И да помрут и исчезнут все ослушники...» — мысленно повторил Егудэй волю каана, которую он не смел нарушить. Однако, уже взяв себя в руки, решил сделать джагуну снисхождение. Нет, не отменить казнь — Егудэй никогда не отменял своих приказов, даже если оказывался неправ, — он позволил сделать это без пролития крови, в которой живёт душа каждого человека. Правда, кааном Чингисханом в его Книге Ясы записано, что только ханы и нойоны достойны такой смерти... Но как-никак Седар был женихом Аюшин и до этого проступка почти сыном. Не варить же его в котле или не отрубать же ему голову, как простому пастуху?..

Казнь он поручил всё ещё стоявшим у чёрной юрты охранникам, для которых это было вполне привычным делом. Один из воинов опустил на траву поджатой левой ногой и выставил вперёд правое колено, двое других, крепких и сильных, молча повалили Седара на землю. Тот не сопротивлялся, и тогда один взял бывшего джагуна за руки, другой за ноги. Егудэй помедлил, как будто раздумывая, а привыкшие беспрекословно подчиняться воины внимательно следили за его правой рукой.

Резко опустив руку, Егудэй, не оглядываясь, пошёл прочь от чёрной юрты. Он сотни раз видел подобную казнь, поэтому знал, что сейчас воины вскинут тело джагуна вверх и с размаху опустят спиной на выставленное колено. Он только услышал характерный хруст костей позвоночника и короткий вскрик Седара. Перед глазами тут же возникло искажённое болью лицо дочери — и старый Егудэй впервые в своей жизни, наверное, пожалел, что не отменил приказ.

А преданно смотревшие ему в спину воины увидели вдруг, как опустилась голова их тысячника, как ссутулилась его спина, и походка из лёгкой и дружинистой превратилась в старческую. Таким тысячника «красных волков» они видели впервые...

Время подгоняло Егудэя. Воины тумэна Бухи непрерывно пригоняли из стойбищ и уже из самых отдалённых аалов десятки и сотни белых скакунов. Скоро, совсем скоро погонят они на запад тысячные табуны в подарок Сотрясателю Вселенной, которому нужно много, очень много прекрасных коней — ведь предстоят новые походы на юг, на запад, на восток... Великий Чингисхан любит потешить своё сердце видом всеокрушающей лавины его непобедимого войска, оцетинившейся копьями, брызжащей чёрным облаком стрел, сверкающей взметнувшимся над головами лесом сабель, — видом сметающей всё на своём пути могольской конницы...

Егудэю тоже нужно было спешить. И он увеличил награду счастливицу, который первым обнаружит сокровища кыргызов: уже не десятая, а четвёртая часть по праву будет принадлежать ему. Любой «красный волк» мог только мечтать о такой добыче, дающей высокое положение, и о счастливом случае, который может одним махом вознести к новой, более высокой должности...

Вскоре две сотни «волков» с трёх сторон охватили лог, в котором был захвачен Зангир. Цепью продвигаясь вверх по сужавшемуся, словно ущелье, каменистому логу, воины наткнулись на огромное, уже основательно обглоданное мелким зверьём медведя. Даже мёртвый, он поражал размерами, длиной страшных когтей и жёлтых клыков. Осматривая источавшую трупный смрад

медвежью тушу, воины невольно струдились—и тут же услышали короткий повсвист стрелы, которая глубоко вонзилась в дерево впереди, как бы преграждая им путь. Это было грозное предупреждение: следующая стрела найдёт себе уже живую цель.

Но «красных волков» невозможно запугать, и опасность всегда только подстёгивает их. Тем более что это был хороший знак: значит, они идут к своей цели правильной дорогой. И воины тут же рассыпались по сторонам лога—от пенного ручья до отвесных скал. Пригибаясь и прячась за камнями и толстыми стволами деревьев, они двинулись дальше.

Вторая стрела попала в шею передового воина. Когда попробовали выдернуть её, то убедились, что сделать это невозможно: спиралевидный наконечник буквально вкрутился в человеческую плоть, разорвав её внутри. Такими стрелами пользовались джурджени, и могольские воины отлично знали, что они наносят ужасные, чаще всего смертельные раны, от которых не спасают даже шёлковые рубахи под доспехами.

Стрелы прилетали, казалось, со всех сторон. Вот уже упали замертво ещё четыре воина, и столько же были тяжело ранены. Причём стрелявших не удавалось даже разглядеть: они лишь на короткий миг возникали с натянутыми луками то из-за камня, то из-за дерева. Когда же несколько воинов устремлялись туда, то никого не находили.

Но волчья стая умеет побеждать врага не только количеством, но и умелой сменой тактики. Теперь, пока передовая цепь продвигалась вперёд, позади стояли воины с натянутыми луками—и каждого невидимого стрелка подстерегал добрый десяток смертоносных стрел. Потом подтягивались задние, а передовые держали под прицелом каждый камень и каждое дерево.

Личная охрана каана обучена побеждать самого умелого и самого хитрого врага, а новая тактика вскоре стала приносить плоды. Вот за камнем лежит, выронив свой лук, один мирген⁴⁶, вот другого светловолосого и голубоглазого стрелка не успело спасти толстое дерево—и он, взмахнув руками, упал со стрелой в сердце. Вот ещё двое, лица которых похожи как две капли воды, лежат спина к спине, омываемые водой ручья,—и кровь их, сливаясь воедино, окрашивает звонкие струи в красный цвет...

Моголы хотя и медленно, но неумолимо продвигались вперёд, тем более что разящие стрелы невидимок свистели всё реже и реже. Часть воинов с трудом вскарабкалась на каменные гряды, ограждающие узкое ущелье, поскольку оттуда дальше просматривалось пространство впереди,—и теперь возможно было поражать противников сверху. Таким образом, неведомые стрелки из охотников тут же превратились в гонимую в нужном

направлении дичь, а путь отступления для них оставался только один—вверх по логу. Кыргызские миргены явно недоценили своих противников...

Волчья стая целенаправленно гнала добычу, отсекая все пути из ущелья,—и поэтому неминуемо должна была настигнуть стрелков. Вот лог стал совсем узким и крутым, так что воины продвигались в нём сплошной массой, плечом к плечу. Но стрелы больше не настигали их—должно быть, у невидимых защитников их больше не осталось. Вот из-за большого камня на мгновение возник лучник—и тут же, пронзённый десятком стрел, мёртвым упал к ногам передовых моголов.— Больше ни в кого не стрелять,—приказал джагун,—они нужны нам живыми.

Когда могольские воины вскарабкались к вершине горы, на ней гордо и молчаливо стояли двое последних стрелков: славный охотник Оспаар и его сын Пулат. Уходить им было некуда—дальше скала отвесно обрывалась вниз. Не дав преследователям вплотную приблизиться, они одновременно переломили через колено свои ставшие бесполезными луки и шагнули в пугающую своей глубиной пропасть. Широко раскинув руки, словно две большие серые птицы, они удалялись всё дальше от преследователей, пока не закончили свой последний полёт на острых камнях. Даже бесстрашные «красные волки» отшатнулись в этот миг от края пропасти...

Ещё два дня воины тщательно обшаривали окрестности Медвежьего лога—такое название они дали ему по найденному здесь мёртвому зверю. Помня обещание Егудэя о четвёртой части, причитающейся нашедшему тайник, следопыты обшаривали каждый завал камней, каждую щель в скалах, каждую нишу в корнях сосен—но всё было напрасно. «Красные волки» ещё верили, что богатство кыргызов затаилось где-то неподалёку: либо в пещере под каким-нибудь из каменных останцев, горделиво взирающих на мир с вершин залесённых гор, либо среди серых каменных гряд, гребнями разделяющих неглубокие лога. Да мало ли где в бескрайней и труднопроходимой горной тайге можно надёжно схоронить небольшие кожаные мешки и вьючные сумы?

В конце концов Егудэй понял, что этот лог был просто приманкой, ложной целью. Его воины потеряли время, затоптали и без того едва заметные следы, а прошедший дождь поднял примятую траву, разгладил песок и смыл с камней отпечатки копыт—так что заново начинать поиски уже не было никакого смысла. Отпущенное им время истекло: сотня за сотней, тысяча за тысячей воины тумэна Бухи-нойона уже уходили на юго-запад, угоняя табуны. И к концу третьего дня поисков Егудэй приказал своим «волкам» покинуть

46. Охотник.

неприветливые для них горы и возвращаться в ставку. Тем более что погода к вечеру окончательно испортилась: порывистый ветер пригоршнями швырял в лица крупные капли дождя, мокрая трава на склонах стала предательски скользкой.

Охрана быстро собрала его походную юрту, разбитую под гладкой, почти отвесной скалой, защищавшей от ветра и дождей, а разочарованный итогами поисков Егудэй молча сел в седло своего коня. Но не успел он отдать команду двигаться, как над головой, высоко вверху, раздался громкий шум и треск — и на узкую тропу прямо перед ним рухнул большой камень. Жеребец присел и, испуганно храпя, рванулся в сторону.

Едва удержав коня туго натянутыми поводьями, Егудэй поднял глаза вверх. С вершины скалы смотрел, как будто прямо на него, чёрный красавец-марал. Его огромные ветвистые рога чётко прорисовывались на фоне хмурого неба. Через какое-то мгновение одна рука Егудэя уже сжимала лук, другая нащупывала в колчане тяжёлую стрелу...

— Не надо стрелять, начальник, — услышал он крик Фао-Шена. — Нельзя стрелять в Хозяина Гор...

Недовольный Егудэй повернулся к китайцу и устремил на того вопросительный взгляд.

— Стрела вернётся и поразит стрелявшего прямо в сердце, — продолжил Фао-Шен. — Я много раз слышал эту легенду от охотников. Нельзя сражаться с чёрным маралом — духом здешних гор. Он дал свой знак, что тебе надо быстро-быстро уходить...

Ничего не сказав, ещё более помрачневший Егудэй хлестнул камчой своего коня и поскакал по уже натопанной всадниками тропе. Опередив его, вперед помчались разведчики, а позади — след в след — неслись «волчьим ходом» остальные всадники. Никто из них даже не оглянулся на кажущиеся неприветливыми и хмурыми, чуждые степнякам горы, только мелькнуло, должно быть, в сердцах многих воинов сожаление о несбывшейся мечте.

«Ничего, богатство всегда проходящее: то оно есть, то уже потеряно... — думал, должно быть, каждый из них. — А утром следующего дня, свернув свои походные юрты, мы уйдём, наконец, от этих непривычных и неприветливых гор в родные степи, на серебряный Онон и золотой Керулен...»

Пока в преддверии ночи воины готовились в дальний обратный путь, Егудэй со своим неизменным сопровождающим Фао-Шеном молчаливо сидели у жарко пылавшего костра. В пиале тысячника, против обыкновения, была налита арза вместо чая, и он мрачно размышлял о том, что скажет Сотрясателю Вселенной, как вопрошающе взглянет на него тот при встрече. Ведь Великий каан ждёт не золото и драгоценности, которых у него и без того не счесть, — Чингисхану желаннее всех

сокровищ простые кедровые дощечки с таинственным уйгурским рецептом. И никогда ещё он, Егудэй, не подводил так своего Повелителя...

Одну за другой пил Егудэй полные пиалы арзы, почти не хмелея. И восстанавливал в памяти каждый свой шаг, пытаясь понять, где он совершил главную ошибку. Но раз за разом цепочку мыслей разрывали образ джагуна Седара и картина его казни, которую Егудэй не видел, но очень явственно представлял. В ушах снова и снова звучал хруст переламываемых позвонков и короткий вскрик. К чему бы такие воспоминания?... Ясно, что не к добру... И дело даже не в том, что Чингисхан может так же запросто расправиться с ним самим, неждатом он, Егудэй, жестокости учился у своего Повелителя, считая её главным достоинством кишиктена... Больше этого его пугала предстоящая встреча с любимой дочерью Аюшин.

Из глубокого раздумья тысячника вывел заискивающий голос Фао-Шена.

«Что там бормочет этот пьяный лизоблюд, которому сегодня было позволено пить арзу из одного кувшина с хозяином? — раздражённо подумал Егудэй. — Разве он ещё не валяется пьяным на земле, свернувшись у костра подобно собаке?..»

— Послушай Фао-Шена, начальник «красных волков». Сейчас тебе кажется, что всё очень-очень плохо. Но поверь мне: пройдёт время — и половина плохого забудется, пройдёт ещё время — и забудется уже всё плохое...

Егудэй с удивлением отметил, что хилый китаец, похоже, не так уж и пьян.

— Все беды пришли к тебе с этим кыргызом, с проклятым Зангиром, — продолжил Фао-Шен. — Он знал, где спрятаны сокровища, где спрятаны кедровые дощечки. Он знал, но сказал: «Я не стану предателем своего народа!» Это из-за него умерщвлён твой любимый джагун Седар, которого ты хотел сделать своим сыном... А этот никчёмный кыргыз мечтал стать героем, победившим самого начальника «красных волков». Поэтому ты, который никогда не прощает обид, сделай его самого предателем...

Слушая китайца, Егудэй всё больше трезвел, и в сердце его в самом деле закипал огонь мести. — Говори дальше, — приказал он Фао-Шену. — Я вижу, что у тебя уже есть план.

— Прогони мрачные мысли и тревогу, начальник «красных волков», ведь месть — это кушанье, которое нужно принимать холодным. Отомсти этому Зангиру так, чтобы он и на том свете трепетал при одной мысли о тебе. Я придумал такую страшную, такую небывалую месть, которая пройдёт чёрной тучей через века и останется несмываемым пятном на истории этого народа, живущего по берегам Йенесая. Это будет самая страшная твоя месть! Послушай меня, начальник «красных волков»...

И Фао-Шен в деталях изложил свой коварный план. Егудэй, сам отличавшийся изощрённой хитростью, с изумлением и даже внутренним содроганием взирал на маленького и трусливого, казавшегося ему ничёмным человечка, которого он в любой момент мог бы раздавить, как обыкновенную блоху.

— А что ты скажешь Великому Чингисхану, я тоже знаю, — заверил заметно осмелевший китаец. — Ты обещал сделать меня одним из «красных волков»... Фао-Шен недостойн такой чести, но Фао-Шен умеет быть благодарным... Придёт время твоей встречи с Потрясателем Вселенной, и я подкажу тебе нужные слова.

Повеселевший Егудэй приказал новому джагуну построить два десятка воинов и отдал им все необходимые распоряжения...

А ранним утром последние могольские воины — это были две неполные сотни «красных волков» — покидали Койбальскую степь. К крупам двух десятков рассёдланных коней были приторочены тяжёлые кожаные хайи⁴⁷. Проезжая между кыргызскими юртами, сопровождавшие этот небольшой караван воины весело и достаточно громко переговаривались о том, что здешний правитель Еди-инал может теперь проливать горькие слёзы, а его советник Кёнгир рвать в клочки свою седую бороду по поводу пропавших богатств. И несколько раз заводили разговор о том, что кыргызскому парню, младшему сыну Оспаара, указавшему тайник с сокровищами, теперь причитается четверть их. А едущие позади переговаривались между собой, и тоже достаточно громко, что счастливчик Зангир стал знатным человеком и едет сейчас на белом коне рядом с самим Бухой-нойоном.

Новый джагун громко и весело прикрикнул на разговаривавшихся воинов:

— Не советую смеяться над тысячником Зангир-оолом! Я не удивлюсь, если сам каан, учитывая заслуги, назначит его вскоре темником или даже начальником «красных волков»!

— Да, сказочно повезло этому парню, простому охотнику! — громко поддержал джагуна сам Егудэй и восхищённо зацокал языком...

И чёрная весть, словно стая зловещих чёрных птиц, быстро разнеслась по всей Койбальской степи. В белом шатре правителя Еди-инала снова собрался Большой Совет степи. Все были хмуры и молчаливы, ведь такого подлого предательства ещё никогда не знали здесь, у подножий Кёгменских гор...

Мудрый Кёнгир не собирался в этот раз завести длинный разговор, поэтому сразу начал с главного:

— Динлин, сын нашего кыргызского народа, сын достойного Оспаара, погибшего в схватке с врагами, стал подлым предателем. Конечно, предатели

встречаются среди любого народа — и везде их казнят, с позором отрубая голову. Но этот предатель сумел избежать справедливого наказания, трусливо сбежав с нашими врагами... И я знаю, как наш народ сможет наказать его самой страшной казнью, более страшной, чем отрубание головы...

Кёнгир замолчал, подыскивая, видимо, нужные слова. Молчали и члены Совета.

— Наш кыргызский народ не может отрубить голову предателю, но он может отрубить нечто более важное — отрубить саму память о нём. Пусть каждый из вас знает и накажет остальных, чтобы навсегда было забыто имя предателя. Пусть больше никто и никогда не произнесёт его в Койбальской степи и на обоих берегах Адарчына и Ким-су, путь никто и никогда не назовёт этим именем мальчиков, родившихся в наших юртах. А нарушивший волю народа пусть будет тоже казнён, а тело его отдано на растерзание голодным собакам. И пусть это решение будет принято навечно!

Кёнгир замолчал и обвёл взглядом шатёр. Никто не сказал ни слова, но он видел по глазам, что все согласны с его предложением: и правитель Еди-инал, и Большой Совет — посланцы аалов, чуртов, улусов.

— Я читаю согласие в ваших глазах. Поэтому да будет так навечно и по всей степи! — закончил Кёнгир.

— Да будет так! — провозгласил инал.

— Да будет так! — повторил каждый из сидевших в шатре.

Лекарь Фао-Шен после столь долгого многомесячного отсутствия явно хотел поскорее приступить к своим основным обязанностям. Во-первых, близость к каану сразу же возвращала его статус для окружающих, а во-вторых, гарантировала защиту от нападок со стороны недоброжелателей и завистников. И тех, и других, что греха таить, у сюзюка каана в ставке было немало.

— Я не хочу вызвать гнев на головы лекарей, — как бы невзначай заметил Фао-Шен, — но, по-моему, за время моего отсутствия они недостаточно хорошо лечили Великого Чингисхана?

— Они делали всё, что могли, — ответил Тэмучин устало. — Просто с возрастом больному требуются всё более искусные лекари. А в конце жизни даже самый великий врачеватель будет бессилён, и только Вечное Синее Небо сможет продлить и облегчить мои оставшиеся дни.

— Именно поэтому Небо и даёт избранным людям талант врачевания! Но, как и любого другого таланта, одним отмеряет больше, другим меньше...

Тэмучин хотел посмеяться над китайцем за неумелую попытку утвердить свою значимость, но за стеной шатра резко прозвучал предупреждающий

.....
47. Перемётные сумы.

окрик охранников—и тут же, откинув пологу, внутрь вошёл понурый тысячник Егудэй.

— Каан пожелал видеть меня? — тысячник произнёс это, не поднимая глаз.

— Я просто хотел узнать, здоров ли ты, мой верный Егудэй? А то Фао-Шен утверждает, что великая печаль изглодала сердце моего лучшего воина.

— Да, каан, моя дочь Аюшин добровольно приняла смерть, узнав о гибели джагуна Седара. А ведь младшая дочь была самой любимой...

— Я сочувствую тебе, Егудэй! Но знаю, что это не единственная твоя печаль...

— Твой кишиктен падает ниц перед тобой, каан, потому что он не исполнил твой приказ!

Егудэй опустил на колени и ещё ниже склонил голову, после чего тихо закончил:

— Это и есть самая большая моя печаль.

— Фао-Шен поведал мне всё, в том числе и твои сомнения! Встань, мой верный Егудэй, и не терзай своё сердце, не ищи оправданий своим поступкам.

— Я недостойн стоять в твоём шатре, каан, недостойн слушать тебя. Прикажи воинам казнить недостойного!

— Старый лис не может простить себе, что кто-то его перехитрил? — каан усмехнулся. — Поверь мне, пройдёт время — пройдёт и эта обида. Так что поднимись с колен!

Устало откинувшись на подушки, он кивнул Фао-Шену, и тот, опустившись на корточки и откинув полу халата, начал умело массировать больную ногу от бедра до самой ступни. Когда китаец замечал на лице повелителя гримасу боли, тут же втирал в чувствительное место целительный бальзам и продолжал массаж, стараясь не смотреть в сторону понурого тысячника «красных волков». Лекарь не сомневался, что Егудэй уже не раз мысленно обозвал его сюзмюком за то, что раскрыл каану все тайны похода, известные только им двоим. И если бы не покровительство Чингисхана, то месть тысячника, скорее всего, была бы неминуемой. — У тебя найдётся что добавить к тому, о чём поведал мне преданный Фао-Шен? — прервал Тэмучин наконец затянувшееся молчание. — Так снимите камень со своей души. Я слушаю тебя, Егудэй!

— К сожалению, моё появление не стало неожиданностью для кыргызского правителя Еди-инала, потому что в тумэне Бухи оказались лазутчики, — заговорил тысячник. — Один был убит, но второй успел на лёгком плоту по горной реке.

— Как же он сумел уйти от твоих «красных волков»?

— Ранивший его воин утверждал, что стрела отравлена и что мгновения жизни раненого сочтены

— Но признайся, Егудэй: ведь не этот лазутчик был главным виновником твоей неудачи?

— Да, джагун Седар встал на путь предательства. — Молодость склонна к ошибкам, и ты, наверное, поторопился казнить его. Я сам в юности уважал

закон побратимства и считал, что слово, данное анде, — это самое крепкое слово. А ты списываешь свою неудачу на джагуна, но при этом умалчиваешь о юноше-динлине, сыне охотника...

— Он открыл бы мне свою тайну, если бы не вымолил смерть у безумного анды Седара.

— Но ведь перед этим динлин спас жизнь джагуну и потому стал его андой! Друг детства Джамуха был моим андой, поэтому я и не казнил его за первое предательство. Да и за второе тоже... А ты сейчас просто продолжаешь искать оправдания! Мудрецы говорят, что лучше победить самого себя, чем выиграть тысячу сражений, ибо никто не сможет присвоить эту победу. Ты ведь потому жестоко отомстил и потому оклеветал динлина, что простой охотник оказался сильнее тебя, всеильного тысячника «красных волков»?

При этих словах в глазах Егудэя снова вспыхнул потускневший было огонь, и взгляд его был теперь направлен прямо на каана.

— Он воспротивился твоей воле, каан, и хотя бы поэтому должен был умереть!

— Не терзай себя, верный Егудэй, удача и неудача далеко не каждый раз во власти человека, но при этом всегда подвластны Вечному Небу, которому, видимо, неугодно было открыть тайну вечной жизни. Я думаю, что Вечный Тэнгри не откроет эту тайну никому, чтобы ни одного из смертных не ставить вровень с собой!

— Я безмерно сожалею о своей неудаче, каан!

— Фао-Шен рассказал, как ты попытался убить даже память о динлине, жестоко оклеветав юношу, вина которого состояла лишь в том, что он оказался верным сыном своего народа... А я ведь тоже, в конце концов, уйду в другой мир, и, поверь, самое страшное для меня было бы повторить судьбу этого юноши.

— Такое невозможно, каан! — Егудэй в волнении даже схватился за рукоять своей сабли.

— Я говорю сейчас не о клевете, а о забвении, тысячник Егудэй. Люди склонны к забывчивости, и, согласись, память о справедливых, но рано ушедших героях зачастую долговечней славы проживших долгую жизнь военачальников!

— Но ведь ты всегда повторял, каан, что воин не должен испытывать жалости к врагу.

— Да, это так! Но при этом великий воин должен уважать достойного противника.

— Я услышал тебя, каан, — Егудэй снова опустил на колени и потупил глаза, — поэтому готов признать, что был неправ с тем юношей.

— Иди, верный Егудэй, и не терзай себя. На всё воля Вечного Неба, а я всего лишь мимолётное во времени отражение его. И нельзя даже в мыслях уподобляться Вечному Тэнгри или состязаться с ним в чём-то, особенно в бессмертии...

Отвесив почтительный поклон, Егудэй понуро направился к выходу.

Когда приговор народа вступает в силу, отменить его не дано никому — и теперь только приговору, а не пожеланиям и приказам повелителей, будет подчиняться людская память. Потому-то в народных преданиях грозные правители предстают жестокими тиранами, бывшие герои видятся кровавыми убийцами, а безвинные мученики почитаются истинными святыми. Правда, принято считать, что это время всё расставляет по своим местам — справедливое и бесстрастное время. Именно оно и есть Великий Хан нашего беспредельного мира: по его приказу угасает огонь в жарко пылавших очагах, покрываются седым пеплом остывшие угли костров и размеренно уходит в прошлое караван

прожитых лет. И лишь над Великим Ханом люди не властны, потому-то, даже прикрыв глаза от слепящего солнца, не увидеть им оседающую пыль веков вдали и не услышать в наступившей тишине голоса давно ушедших людей. А тем более нельзя вскочить в седло, догнать и окликнуть их — хотя бы для того, чтобы прочитать в глазах ответ на мучавший долгие годы вопрос, или для того, чтобы просто попросить прощения. Уйдя навсегда, люди и годы оставляют лишь миражи, возникающие иногда в людской памяти: удивительные и прекрасные, тревожные и манящие, грустные и желанные. И не только приговор народа, но и само время не властно над миражами...